

Библиотека
новой экономической
ассоциации

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Библиотека Новой экономической ассоциации

Сборник статей
Социальный либерализм

«Алетейя»

2016

УДК 338.2
ББК 65.05

Сборник статей

Социальный либерализм / Сборник статей — «Алетейя»,
2016 — (Библиотека Новой экономической ассоциации)

ISBN 78-5-906823-64-9

Настоящее издание посвящено одной из важнейших и системообразующих категорий – социальному либерализму. Пользуясь этим понятием, разные авторы и их критики отделяют собственные мировоззренческие позиции от взглядов других исследователей, занимающихся изучением общества, поведения отдельных людей и их групп. В теоретической экономике и экономической политике указанная категория применяются в основном в контексте анализа взаимодействий рыночных механизмов саморегулирования и государственной активности. В данной книге содержатся материалы дискуссии по проблемам социального либерализма, организованной журналом «Общественные науки и современность» в 2012–2016 годах, в которой приняли участие сторонники различных научных школ и мировоззрений, представляющие ведущие исследовательские центры научных и образовательных организаций. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 338.2
ББК 65.05

ISBN 78-5-906823-64-9

© Сборник статей, 2016
© Алетейя, 2016

Содержание

От редакторов книги	7
А. Я. Рубинштейн. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии	10
А. М. Либман. Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Социальный либерализм

Под редакцией А. Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич

Библиотека
НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Редакционная коллегия

В.М. Полтерович (председатель),
В.С. Автономов,
К.Ю. Борисов,
Р.С. Гринберг,
В.И. Гришин,
В.М. Давыдов,
А.А. Дынкин (зам. председателя),
Н.И. Иванова,
В.В. Ивантер,
О.В. Иншаков,
С.М. Кадочников,
Я.И. Кузьминов (зам. председателя),
В.Л.Макаров,
П.А. Минакир (зам. председателя),
Н.Н. Михеева,
А.Д. Некипелов,
Н.Я. Петраков (зам. председателя),
С.М. Рогов,
А.Я. Рубинштейн (зам. председателя),
А.И. Татаркин,
Н.П. Шмелев,
М.А. Эскиндаров,
И.Ю. Юргенс

JOURNAL "SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD" INSTITUTE OF
ECONOMY RAS

Social Liberalism / ed. by A. Y. Rubinstein, N.M. Pliskevich. St. Petersburg: Aletheia Publishing House, 2016. 384 p.

The present edition is dedicated to one of the most important and systemic, so to say – backbone categories – that is to social liberalism. Using this concept, different authors and their critics separate their own ideological positions from the views of other researchers, engaged in the study of society and in the study of the behavior of individual people and groups. In the theoretical economics and in the economic policy, the specified category is used mainly in the context of the analysis of interactions between the market mechanisms of self-regulation and the public activity. In the given book, materials are contained, related to discussions on issues of social liberalism, organized by the journal "Social Sciences and Modernity" in the years 2012–2016, in which supporters of different schools of thought and ideologies participated, representing leading research centers of the scientific and educational organizations.

Keywords', society, state, patronized goods, liberalism, paternalism, social liberalism, economic policy, institutes.

JEL Classification-. C70, C72, D5, D6, D7, H41, Z28.

От редакторов книги

Процитируем двух социальных философов, разделенных почти столетием. «От программного социализма, – отмечает П. Струве, – социальный либерализм отличается... подчеркнутым утверждением самостоятельной ценности момента свободы, самоопределения личности во всем, в том числе и в хозяйственных делах. Это постольку существенно, поскольку всесторонняя и действительная “социализация” хозяйственной жизни, по крайней мере, в возможности, заключает в себе опасность растворения свободной личности в коллективном “аппарате принуждения”»¹. Характеризуя социальный либерализм, современный российский ученый А. Рубцов пишет: «... в несколько упрощенном виде принято противопоставлять либеральный курс идеям социального государства. В первом случае вмешательство власти в дела граждан сводится к минимуму, но и сокращаются социальные гарантии. В другом варианте государство расширяет зону социальной ответственности, одновременно наращивая свое регулятивное присутствие во всем, от бизнеса и производств до науки и культуры»².

Классический либерализм, социализм, неолиберализм, патернализм, социальный либерализм – череда важнейших смыслообразующих категорий, с помощью которых разные авторы и их критики пытались и продолжают пытаться отделить собственные мировоззренческие позиции от взглядов других исследователей, занимающихся изучением общества, поведения отдельных людей и их групп. Оставляя в стороне «историю и предысторию» этих понятий, как и более объемное их содержание и место в социальной философии и социологии³, отметим, что в теоретической экономике, экономической политике и непосредственно в хозяйственной жизни они применяются в основном в контексте анализа взаимодействий рыночных механизмов саморегулирования и государственной активности.

При этом слишком часто слоганы «либерализм», «неолиберализм», «патернализм» используются исключительно в негативной коннотации, с возложением на указанные категории вины за неудачные реформы, экономическую политику и снижение благосостояния людей. Приведем следующий, довольно типичный, пример: «Победивший социализм» российского разлива глубоко и основательно дискредитировал себя, превратившись в номенклатурно-бюрократическую идеологию; но и либерализм в том виде, в каком он проявил себя в политической жизни России за последние полтора десятилетия, в глазах многих наших сограждан парадоксальным образом стал синонимом не свободы, а социальной незащищенности и сужения жизненных возможностей»⁴.

Между тем сам по себе либерализм, отстаивающий не только индивидуальные права, но и ответственность индивидуума перед другими людьми, предполагает гораздо более сложную трактовку этого понятия⁵. Да и патернализм, присущий не только социализму, не следует

¹ Струве П. Б. Социальный либерализм / Избранные сочинения. Москва, РОССПЭН, 1999, с. 412–423 (Перевод с немецкого Н. С. Плотникова / *Peter Struve, Sozialliberalismus // Internationales Handwörterbuch des Gewerkschaftswesens*. Bd. 2. Berlin, 1932. S. 1531–1536).

² Рубцов А. В. Метафизика власти: Социальный либерализм эпохи упадка // Ведомости, № 3917, 15.09.2015.

³ Читатель сможет прочесть об этом в статье В. Автономова [Автономов, 20015] и комментариях Р. Капелюшников, включенных в последнюю часть настоящего издания.

⁴ Этот редакционный комментарий к русскому переводу вводной статьи Моник Канто-Спербер «Перспективы либерализма и поиск корней» был опубликован в журнале «Неприкосновенный запас» (2004, № 6). За последние годы критическая риторика либерализма явно усилилась, причем, как и раньше, не всегда обосновано.

⁵ Даже такой певец «ценности свободы», как Дж. С. Милль, еще за полстолетия до В. Парето, оправдывал в своей книге «О свободе» вмешательство государства во всех случаях, когда «действия человека наносят ущерб благополучию другого человека» [Милль (1993, с. 12)].

сужать и упрощать до его архаичного содержания, связанного с патриархальными аспектами «отцовской заботы» государства и бюрократической идеологией⁶.

Просматривая обширную литературу по социальному либерализму, от его духовных отцов – Дж. С. Милля, Т. Х. Грина, Л. Т. Гобхауза, Т. А. Гобсона, Дж. Дьюи, до современных обществоведов, можно обнаружить, что само это понятие, несмотря на его солидный возраст, не имеет строгой дефиниции или их число столь велико, что допускает различные толкования в зависимости от взглядов исследователей, их приверженности определенной идеологии. Такое положение дел отразилось и в анализе экономической политики, с необоснованным разделением исследователей на либералов и консерваторов, часто не имеющих отношения ни к одному из этих течений экономической мысли.

Исходя из этого, редакция журнала «Общественные науки и современность» посчитала важным организовать широкое обсуждение темы социального либерализма, прежде всего в ее теоретико-методологическом аспекте. Начать такую дискуссию было предложено одному из создателей Концепции экономической социодинамики и автору Теории опекаемых благ, расширяющих границы неоклассического анализа в результате встраивания в рыночные отношения, наряду с интересами отдельных индивидуумов, социальных интересов их общности, и в этом смысле наиболее адекватных, по мнению автора, методологии социального либерализма.

Опубликованная в конце 2012 года статья «Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии» позволила развернуть дискуссию не только в чисто теоретико-методологическом ключе, но и в сфере анализа конкретных проблем состояния современного российского общества, выработки практических рекомендаций, позволяющих найти выход из тупиков, в которые нередко заводят непродуманные меры экономической и социальной политики. Многие ученые-экономисты, социологи и политологи откликнулись на эту публикацию и стали участниками почти четырехлетней дискуссии, в рамках которой состоялось многоплановое обсуждение проблем социального либерализма. В результате на страницах журнала «Общественные науки и современность» было опубликовано около двух десятков статей, каждая из которых внесла в обсуждение свой вклад и свою индивидуальную окраску.

Эта дискуссия, встреченная особым вниманием читателей и привлекая новых ее участников, продемонстрировала актуальность затронутых проблем. Свидетельством заинтересованности в их очном обсуждении можно считать и тот факт, что главной темой XIV международной конференции из цикла «Леонтьевские чтения» (С.-Петербург, 2015 г.) стала тема «Социальный либерализм: между свободой и этатизмом». Соответствующие обзоры результатов конференции были опубликованы в журналах «Экономическая политика» и «Журнал Новой экономической ассоциации».

Отметим состав участников журнальной дискуссии, в которой выступили сторонники различных научных школ и мировоззрений, представляющие ведущие исследовательские центры научных и образовательных организаций: Институт экономики РАН, Центральный экономико-математический институт РАН, Институт социологии РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Институт системных исследований РАН, Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, НИУ «Высшая школа экономики», Экономический факультет МГУ, Московская Школа экономики МГУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Европейский университет (Санкт-Петербург), Кемеровский государственный университет, Франкфуртская школа финансов и управления.

⁶ Речь идет о современных формах патернализма, предложенных поведенческими экономистами, о либертарианском [Sunstein, Thaler, 2003] и асимметричном [Camerer et al., 2003] патернализме, занимающих все большее место в экономической политике развитых стран. См. также: [Капелюшников, 2013^a, 2013[6]].

При всем разнообразии подходов и трактовок все статьи участников дискуссии обладают определенным единством. Исходя из этого, журнал «Общественные науки и современность» и Институт экономики РАН приняли решение о публикации специальной монографии «Социальный либерализм». Такое издание уже само по себе может способствовать рождению нового научного качества и позволяет сопоставить различные точки зрения авторов, собранные под одной обложкой. При этом последовательность статей соответствует хронологии их появления на страницах журнала[^] что дает возможность проследить логику обсуждения со стороны вновь вступающих в дискуссию ученых.

Прошедшая дискуссия; выявившая значительный прирост знания; стала побудительным мотивом и для последующих исследований. С учетом этого редакторы настоящего издания не могли не обратить внимание на статью В. Автономова; появившуюся в августе 2015 г. в журнале «Вопросы экономики»; посвященную анализу того; как видные либеральные экономисты прошлого обосновывали возможности либеральной экономической политики. Этот экскурс в историю экономической мысли и выступление Р. Капелюшникова на обсуждении статьи В. Автономова на семинаре в НИУ ВШЭ органически дополняют прошедшую дискуссию.

Логичным завершением журнальной дискуссии; а также данного издания является заключительная статья одного из его редакторов; подводящая итоги обсуждения. Надеемся; что многоаспектное исследование темы социального либерализма привлечет и других исследователей к анализу данной проблематики.

А. Я. Рубинштейн. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии

Начну с предварительного замечания о том, что работа эта не случайная и совсем не проходная. В ней мне хотелось бы объединить ряд сюжетных линий, разрабатываемых мной последние 20 лет, соединив их в некий общий подход к разработке экономической методологии социального либерализма. Речь идет о концепции Экономической социодинамики (КЭС) с ее методологическим ядром – принципом комплементарно сти полезности, допускающим существование потребностей общества как такового⁷, о Теории опекаемых благ и разработанной в рамках этой теории модификации модели равновесия Векселля-Линдаля для любых товаров и услуг, обладающих социальной полезностью [Рубинштейн, 2008; 2009^a; 2009^b; 2011], наконец, о рыночной и политической ветвях формирования общественных интересов в различных институциональных средах на основе предпочтений несопадающих групп индивидумов [Рубинштейн, 2010; 2011].

Многие считают, что кризис, начавшийся в конце 2007 г., как и кризис 1929 г., в большой степени обусловлен генетическими пороками самой капиталистической системы⁸, и пытаются найти альтернативные подходы к созданию нового экономического порядка. Некоторые, вспоминая Дж. Кейнса, говорят о необходимости фундаментальных реформ, обеспечивающих переход от неолиберального капитализма к социальному либерализму [Bortis, 2009].

При этом само понятие «социальный либерализм», не имеет строгой дефиниции, что допускает различные толкования в зависимости от взглядов исследователей, их приверженности определенной идеологии. Решение же поставленной задачи, направленной на формирование соответствующей экономической методологии, требует, во-первых, ее идеологической нейтральности, во-вторых, максимально возможной однозначности в понимании используемых терминов, и прежде всего категории «социальный либерализм».

При этом, в отличие от классического либерализма, сторонники его социальной версии, оставаясь на позициях рыночной экономики, справедливо утверждают, что для реализации прав граждан далеко не всегда достаточно их собственных усилий. В этом смысле экономическая философия социального либерализма опирается на те же представления о хозяйственной системе, что и упомянутые выше КЭС и теория опекаемых благ, в соответствии с которыми индивидуумы, стремящиеся обеспечить свои интересы, взаимодействуют между собой и государством, ответственным за реализацию интересов общества в целом. В этом я вижу *родовые свойства* экономической методологии социального либерализма, допускающей частную инициативу и государственную активность, направленные на реализацию интересов отдельных индивидуумов и общества в целом.

Оставляя в стороне философские и идеологические аспекты социального либерализма, замечу, что с точки зрения экономической методологии наиболее дискутируемым вопросом остается категория общественного интереса, обуславливающего государственную активность. Решение данной проблемы предполагает исследование отношений между индивидуумами и

⁷ Кроме журнальных статей и докладов на научных конференциях, в том числе на недавней конференции американской экономической ассоциации, результаты исследований по данной проблематике представлены в ряде монографий [Гринберг, Рубинштейн, 2000; 2008; Grinberg, Rubinstein, 2005; Рубинштейн, 2010].

⁸ Как отмечал Дж. Кейнс, «наиболее значительными пороками экономического общества, в котором мы живем, являются его неспособность обеспечить полную занятость, а также его произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов» [Кейнс, 2007, с. 332]. Добавлю, что и в том случае, когда «произвольное» распределение богатства и доходов, воспользовавшись рецептом первой теоремы экономической теории благосостояния [Atrow, Debreu, 1954], заменить оптимальным, «порок экономического общества», связанный с «несправедливым распределением» и неравенством, будет иметь место. При чем, как показал П. Самуэльсон, децентрализованно устранить его невозможно [Samuelson, 1954].

обществом в целом и связано с трактовкой еще одного важного понятия – “всеобщего благосостояния”. «Если каждый будет стремиться к своей корысти, то «невидимая рука» провидения приведет к всеобщему благосостоянию» – примерно так определил А. Смит действие конкурентного рынка и соответствующий ему телеологический механизм экономической координации. После публикации его классического «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776) многие экономисты, математики, социологи и социальные философы искали и продолжают искать подходящую трактовку понятия «всеобщего благосостояния» и соответствующие ему общественные интересы.

Наиболее распространенным оказался утилитаристский подход. Согласно ему, общественное благосостояние определяется благосостоянием отдельно взятых членов общества (И. Бентам, В. Парето, Дж. Хикс, А. Бергсон, П. Самуэльсон, К. Эрроу). В последнее время, и главным образом благодаря работам А. Сена [Sen, 1999; Сен, 1996; 2004], развитие теории благосостояния стали связывать с использованием менее ограниченной по сравнению с утилитаризмом философии, для которой понятия свобода, этические принципы, справедливость, взаимозависимость и взаимодействие индивидуумов являются существенными элементами.

В плане экономической методологии здесь «прячутся» три ключевых вопроса. Во-первых, как общественные интересы связаны со своекорыстием – интересами индивидуумов, составляющих общество, и можно ли всегда предполагать наличие такой связи? Во-вторых, что представляют собой общественные интересы, какова их природа, сущность и механизмы формирования? В-третьих, каким образом общественные интересы можно учесть в экономическом описании и непосредственно в условиях рыночного равновесия?

При этом надо ясно понимать, что вопросы эти возникли не сегодня и даже не вчера. Общественные интересы в целом, как и их взаимосвязи с индивидуальными предпочтениями, – «вечные сюжеты», кочующие по странам и эпохам. К концу XIX в. обозначились два тренда и соответствующие им традиции в интерпретации общественного интереса⁹. Так, английская традиция отрицала саму возможность существования каких-либо интересов, отличных от агрегата предпочтений индивидуумов (*индивидуализм*). Германская же традиция, наоборот, допустив наличие интересов общества как такового (*холизм*), признала категорию «коллективные потребности» в качестве фундаментальной основы знаменитой «немецкой финансовой науки».

Индивидуализм и/или холизм?

Начну с методологического индивидуализма. История этого мировоззренческого принципа¹⁰ не такая уж длинная. И хотя, как пишет М. Блауг, «само выражение “методологический индивидуализм”, видимо, было введено Шумпетером в 1908 г.» [Блауг, 2004, с. 100], все же не стоит начинать эту историю с XX в. Дело не в термине, а в понятии. Поэтому, даже не возвращаясь к Дж. Бентаму – родоначальнику «утилитаризма» и его последователю Дж. С. Миллю с тезисом о том, что «соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто иное» [Милль, 1914, с. 798], положительно невозможно пройти мимо К. Викселля.

⁹ При использовании понятия «общественные интересы» я старался сохранить терминологию, которую применяли те или иные авторы: коллективные или общие потребности, потребности или интересы общества как такового, интересы или предпочтения общества в целом и т. п.

¹⁰ Речь идет именно о мировоззрении. Недавно в лекции А. Маскина, занимающегося сравнительными исследованиями американской и русской театральных школ, я услышал любопытное объяснение, почему в Америке фактически нет репертуарного театра. По мнению американского эксперта, это связано с методикой подготовки актеров и режиссеров, доминанта которой – ориентация исключительно на творческую индивидуальность и игнорирование феномена ансамбля, составляющего основу репертуарного театра. Такой вот получилась американская проекция индивидуалистического мировоззрения на театральное искусство.

По словам Дж. Бьюкенена, «Виксель заслуживает всеобщего признания как основоположник современной теории общественного выбора, поскольку в его диссертации 1896 г. присутствовали три важнейших элемента, на которых базируется эта теория: *методологический индивидуализм* (курсив мой. – А. Р.), концепция “человека экономического” (*homo economicus*) и концепция политики как обмена» [Бьюкенен, 1997, с. 18]. Викселлю принадлежит и тезис, выражающий суть методологического индивидуализма: «...если полезность для каждого отдельного гражданина равна нулю, то совокупная полезность для всех членов общества будет равна только нулю и ничему другому» (цит. по: [Бьюкенен, 1997, с. 19]). Став абсолютной антитезой холизму и отвергая всякую возможность того, что социальные общности обладают предпочтениями и функциями, несводимыми к предпочтениям и поведению индивидуумов, методологический индивидуализм занял центральное место в экономической теории.

Однако такое положение давно вызывает у меня чувство неудовлетворенности. Именно здесь я вижу одну из главных преград развития экономической теории, как и причину необоснованного сужения экономического анализа, ограниченного рамками методологического индивидуализма. Последний вывод можно представить в инверсионной форме: отказ от радикализации методологического индивидуализма предоставляет возможность расширения границ социального анализа, формирования экономической методологии социального либерализма с использованием более общих предпосылок, применяемых в ряде научных дисциплин, скажем, в институциональной теории, социологии, философии и т. п. В связи с этим хочу высказать ряд замечаний в отношении интерпретации индивидуализма и холизма. Но сначала о некоторых аргументах *pro et contra*.

Приведу несколько известных утверждений. А. Шэффле, например, писал о наличии общественных потребностей, «которые не могут быть обеспечены отдельными членами общества» [Schaffle, 1873, S. 113]. Еще более определенно высказался К. Менгер: «...не только у человеческих индивидуумов, из которых состоят их объединения, но и у этих объединений есть своя природа и тем самым необходимость сохранения своей сущности, развития – это общие потребности, которые не следует смешивать с потребностями их отдельных членов и даже с потребностями всех членов, вместе взятых» [Menger, 1923, S. 8]. Альтернативные суждения, типичные для двадцатого столетия, можно найти у П. Самуэльсона: «...я не предполагаю наличие мистического коллективного разума, который позволяет наслаждаться пользованием коллективных потребительских благ» [Samuelson, 1954, p. 387]; Р. Масгрейва: «...поскольку группа людей как таковая не может говорить, возникает вопрос, кто способен выразить чувства этой группы» [Musgrave, 1959, p. 87]; К. Поппера: «Поведение и действия таких коллективов, как группы, должны быть сведены к поведению и действиям отдельных людей» [Поппер, 1992, с. 109]¹¹, и так далее. Таких простых аргументов и контраргументов можно найти достаточно много с каждой стороны.

Но мне кажется, что время *простых* аргументов прошло. С позиций современной науки об обществе с ее принципиальной предпосылкой о «фоновом пространстве значений»¹² и институциональным пониманием социума они уже не кажутся столь убедительными. Представление же о том, что носителем всякого интереса является какое-либо одушевленное существо, явно избыточно и, я бы сказал, несколько поверхностно. В условиях усложнения связей между людьми сами институты генерируют специфические интересы отдельных общностей индивидуумов и общества в целом. При «подключении» же теории игр к обсуждению данного вопроса

¹¹ По мнению Блауга, «собственные работы Поппера не дают представления о том, насколько решительно он настаивает на методологическом индивидуализме» [Блауг, 2004, с. 100], и в известном методологическом споре 1950-х гг. сам Поппер не участвовал.

¹² Речь идет о наличии такого пространства, существующего вне голов индивидуумов, в котором их мысли и слова обретают общий смысл [Витгенштейн, 1994]. Я еще вернусь к этому важному философскому положению, которое, на мой взгляд, создает основу для научного объяснения процессов формирования социальных установок.

стал очевиден и другой вывод: в результате автономных и своекорыстных решений индивидуумов их совокупность в целом может перейти в положение, противоречащее целям каждого из них. Иначе говоря, полученный результат не всегда редуцируется к функциям полезности индивидуумов, что свидетельствует и о наличии у социальной целостности системных свойств, не имеющих у индивидов.

Но вернусь к дискуссии вокруг дилеммы «индивидуализм-холизм», которая в 1950-х гг. развернулась с особой силой [Блауг, 2004; *The Nature...* 1969; *Modes...* 1973]. Одна из ее особенностей была связана с тем, что критики холизма, включая отечественных адептов методологического индивидуализма, не вполне обоснованно стали выводить его из «онтологического индивидуализма» – того, что общество состоит из людей, из представлений о создании общественных институтов индивидуумами, а социальные целостности есть лишь гипотетические абстракции [Kincaid, 1998, p. 295].

Однако такой подход поддержан далеко не всеми: «Люди не создают общество, поскольку оно всегда существует до них и является необходимым условием их деятельности» [Bhaskar, 1989, p. 36]. Приведу и слова Блауга: «...но хотя на тривиальном уровне онтологический индивидуализм и справедлив, он не обязательно связан со способом, которым мы должны или не должны изучать коллективные феномены, то есть с методологическим индивидуализмом» [Блауг, 2004, с. 101]. При этом, по-видимому, уже сложилось общее впечатление о недостаточной корректности перехода от «онтологического индивидуализма» к методологическому индивидуализму [Ходжсон, 2008, с. 45, сн. 3].

В конце XX в. центр дискуссии сместился к социологам, сохранившим историческую «опозицию крайностей» – методологический коллективизм Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1899; Гофман, 2001] с требованием рассматривать общественные явления как феномен социальной целостности, не редуцируемый к индивидуальным действиям, и методологический индивидуализм М. Вебера [Вебер, 1980; 1994] с установкой на их объяснение исключительно через действия индивидуумов. И все же главный вектор этой дискуссии сместился в область менее радикального восприятия индивидуализма.

Б. Верлен, в частности, подчеркивает, что «методологический индивидуализм не означает отрицания существования коллективностей и институтов. Равно, как не требует он и соглашаться с утверждением, что общество – это не более чем совокупность принадлежащих к нему индивидов, или что общество можно свести к индивидуальной психологии и объяснить его в ее понятиях» [Верлен, 2002, с. 16]. Близких позиций придерживается и самый последовательный попперианец Дж. Агасси, трактующий методологический индивидуализм в нейтральных и даже примирительных тонах [Agassi, 1960; 1973]. Все это указывает на формирование определенного компромисса между холизмом и индивидуализмом.

Так, Э. Гидденс, с одной стороны, рассматривает методологический индивидуализм как возможную альтернативу структурной социологии, с другой – приходит к выводу, что структурная социология и методологический индивидуализм не такие альтернативы, что, отрицая одну, мы принимаем другую [Giddens, 1984; 2001]. Продолжает эту линию в рамках так называемой реляционной методологии и другой английский социолог – Р. Бхаскар, полагающий, что социальные отношения совместимы и с индивидуалистскими, и с коллективистскими теориями [Бхаскар, 1991]. Примерно таких же взглядов придерживается представитель французской социологии Р. Будон, подчеркивающий, что методологический индивидуализм – необходимая, но не достаточная предпосылка исследования общества, требующего обязательного рассмотрения макро социологических феноменов [Boudon, 1988; Будон, 1999]. При этом и он позиционирует себя ближе к «центру», оговариваясь, что уподобление группы индивидууму правомерно лишь в том случае, когда группа организована и явно наделена институциональными формами, позволяющими ей принимать коллективные решения [Boudon, 1979].

В этом контексте надо обратить внимание на работы А. Турена и М. Крозье, отличительная черта которых – признание двойственности общественной жизни, где социальные структуры и индивидуальное поведение выступают как равнозначные и взаимодополняющие элементы окружающей действительности [Touraine, 2005; Крозье, 1993, с. 35–43]¹³. В методологическом плане их исследовательские установки вполне корреспондируют с подходами Гидденса и Бхаскара и, фактически, базируются на синтезе микро- и макросоциологических подходов, на сочетании холизма и индивидуализма без принудительного выбора в качестве первоосновы одного из них. Мне кажется, что подобное взаимодополнение и взаимообогащение создают новые возможности в исследовании общества и обеспечивают платформу для прогресса экономической методологии социального либерализма.

Теперь имеет смысл рассмотреть более сложный и, я бы сказал, даже более тонкий аспект обсуждения дилеммы «индивидуализм-холизм». В связи с этим хочу обратить внимание на исследование канадского философа и культуролога Ч. Тейлора. Продемонстрировав один из возможных путей развития методологии социального анализа, он выделил так называемые «неразложимо социальные блага», по природе своей не предназначенные для индивидуального потребления [Taylor, 1989; Тейлор, 2001].

В сущности, они идентичны «социальным благам» в КЭС и теории опекаемых благ, которые, не имея индивидуальной полезности, обладают способностью удовлетворять несводимые (*неразложимые*) потребности общества [Рубинштейн, Гринберг, 2000, с. 47–54; Рубинштейн, 2008, с. 93–114]. Однако главное в работе Тейлора – даже не результат, имеющий самостоятельное значение, а аргументация. Речь идет о совершенно ином направлении анализа, опирающемся на методологию Л. Витгенштейна, обогатившего современную философию категориями мысли и языка [Витгенштейн, 1994; 2009; Болдырев, 2008], и исследования одного из создателей семиотики Ф. де Соссюра, продемонстрировавшего фундаментальные различия и циклическую связь между языком и речью [Соссюр, 2000; 2009].

Воспользовавшись уже упоминавшимся понятием Витгенштейна «фонового пространства значений, существующего вне голов индивидуумов»¹⁴, и распространив его на отношения людей в социуме, Тейлор не только усилил доводы в пользу взаимодополняемости институтов и деятельности индивидуумов, но, что особенно важно, ввел в научный оборот феномен «общего понимания» – наличие «фоновой основы практик, институтов и представлений» [Тейлор, 2001, с. 12], имманентных обществу как социальной целостности. Такой подход обеспечил выход за «тесные рамки» методологического индивидуализма и создал философскую основу для рассмотрения социума как носителя особых свойств и даже потребностей, которые способны удовлетворять «неразложимо социальные блага»¹⁵.

Демонстрируя замкнутый соссюрский круг, Тейлор отмечает: «Речевые действия подразумевают существование языка, язык же воспроизводится в речевых действиях» [Тейлор, 2001, с. 11]. С определенной натяжкой соссюрский круг можно ассоциативно распространить и на пару индивидуумы и институты – взаимодействия индивидуумов следует рассматривать в рамках культуродетерминированных институтов, которые воспроизводятся в действиях индивидуумов. Подчеркну, что здесь Тейлор пошел дальше упоминавшихся выше социологов, сохранив, однако, характерный для них принцип взаимодополняемости холизма и индивидуализма, корреспондирующий и с методологией, используемой авторами КЭС и теории опекаемых благ.

¹³ См. развернутый обзор современной французской социологи П. Ансара [Ансар, 1995-

¹⁴ Иллюстрируя идеи Витгенштейна, Тейлор приводит следующие слова: «Мысли подразумевают и требуют фоновое пространство значений для того, чтобы быть теми мыслями, которыми они являются» [Тейлор, 2001, с. 10].

¹⁵ Назвав феномен «общего понимания» культурой и применив подход Соссюра к широкому классу социальных явлений, Тейлор определил тем самым ее единственного носителя – общество как таковое.

Следование этому принципу позволяет «освободиться» от искусственной атомизации общества, поскольку не исключает анализа «влияния» и «авторитета» и допускает объяснение поведения индивидуума, в том числе «макросоциологическими переменными». На это же указывает и Блауг применительно к экономической методологии: «...в принципе, крайне желательно, чтобы все холистические концепции, макроскопические факторы, агрегированные переменные... были определены в терминах индивидуального поведения там, где это возможно. Но когда это невозможно, не будем впадать в молчание на том основании, что мы не можем преступить принцип методологического индивидуализма» [Блауг, 2004, с. 103].

Такую *невозможность*, по-видимому, обнаружил и Кейнс. Ключевые понятия своей теории, отражающие макроэкономические характеристики системы в целом, он выводил, как известно, из макроявлений того же порядка, а не из поведения индивидуумов. И хотя критики кейнсианства настаивали на необходимости интерпретации макроявлений посредством микроэкономических действий, похоже, их точка зрения главенствовать не стала. Тезис о том, что объяснение социальных феноменов нельзя сводить к действиям индивидуумов, утвердился и в новой институциональной экономике [Aoki, 2001].

Уместно привести здесь следующие слова Дж. Ходжсона: «...несмотря на столетнее соперничество между методологическими индивидуалистами и коллективистами, у них гораздо больше общих черт, чем обычно предполагается. Методологический индивидуализм требует объяснять общество с точки зрения индивида, теряя из виду ключевые механизмы социального влияния, а потому приходится принимать цели и предпочтения индивидов как заданные. Методологический коллективизм объясняет индивида через общество и, следовательно, ему недостает адекватного объяснения того, как могут меняться цели и предпочтения индивидов. Варианты объяснений в рамках обеих методологических стратегий различны, но результаты в существенных своих чертах схожи» (Ходжсон, 2008, с. 51).

Не помню, где я прочел (возможно, у А. Гофмана), но хорошо помню смысл прочитанного. Существует множество уровней исследования общества и человеческих реальностей – микро-, макро- и т. д. При этом специфика различных уровней никогда не исчезает: любой исследователь в одних случаях объясняет индивидуальное поведение общественными условиями, в которых находятся индивиды, в других – анализирует коллективы с помощью индивидуального поведения. Иначе говоря, дискуссия о «единственно верном» индивидуализме или холизме не может дать каких-либо философских или онтологических результатов. Данный вывод, по-видимому, и есть суть реляционной методологии, с которой я склонен согласиться.

Похоже, эта методология оказалась близкой и для ряда российских экономистов. Не претендуя на полноту изложения их взглядов, попробую выделить характерные для них общие позиции. Так, В. Автономов рассматривает индивидуума как «биосоциальное» существо, находящееся, с одной стороны, под влиянием своей индивидуальной биологической природы, а с другой – под воздействием общественных институтов [Автономов, 1998, с. 192]. Примерно то же самое утверждает и А. Шаститко, подчеркивающий, что человек оказывается как бы «вписанным» в институциональную структуру. Поэтому и действия таких «биосоциальных» индивидуумов описываются через систему институциональных связей [Шаститко, 1996, с. 44]. Размышляя о методологии общего социального анализа, В. Полтерович также готов к более мягкому пониманию индивидуализма, отмечая, что макроэкономические эффекты должны быть представлены как результат взаимодействия отдельных акторов в рамках существующих институтов. При выборе «элементарных акторов» следует добиваться рационального компромисса между их простотой и обозримостью модели [Полтерович, 2010]. Подводя предварительные итоги, можно констатировать, что на рубеже XX–XXI вв. появилось понимание правомочности более широкого подхода к исследованию экономических процессов, основанного на взаимодополняемости методологического индивидуализма и холизма.

Этот небольшой экскурс потребовался мне для того, чтобы объяснить собственные намерения и свой подход к экономической методологии социального либерализма. В ее основание я хотел бы поместить принцип комплементарности полезностей, допускающий наличие интересов социальных целостностей, несводимых к интересам составляющих их индивидуумов. Иначе говоря, там, где это возможно, общественные предпочтения желательно описывать в виде агрегата предпочтений индивидуумов, когда же это невозможно, следует рассматривать иные законы формирования интересов социума. И если индивидуальные предпочтения, вливаясь в рыночный поток, усредняются на всем множестве индивидуумов, то предпочтения общества как такового, существующие наряду с ними, в процессе такой редукции не участвуют и определяются посредством механизмов политической системы. Формируемые в различных институциональных средах эти интересы *дополняют* друг друга.

Таким образом, речь идет о двух параллельных процессах, о рыночной и политической ветвях. Одна из них связана исключительно с индивидуальными предпочтениями и их гармонизацией с помощью рыночного механизма, другая – отражает процесс зарождения, распространения и актуализации нормативных интересов общества посредством институтов политической системы. При этом нормативные интересы социума в меру *развитости* общества и его политической системы вбирают в себя весь спектр общественных предпочтений, основанных на социально одобряемых ценностях и этических нормах, идеях справедливости и целесообразности, иных социальных установках¹⁶. Иначе говоря, в область нормативных интересов общества, генерируемых политической ветвью, попадает все то, что Самуэльсон предписывал своему «эксперту по этике» [Samuelson, 1954, p. 388].

Следует отметить, что социальные установки, ценности, взгляды на справедливость, этические аспекты общественного выбора в экономической методологии занимают особое место. И ряд авторов, сохраняя свою приверженность индивидуалистической норме, пытаются «вписать» решение этих вопросов в стандартные или несколько расширенные модели неоклассической теории, придерживаясь доктрины «просвещенного собственного интереса» [Хиршман, 2004, с. 444]. К ним можно отнести и попытки некоторых отечественных экономистов разрешить «конфликт рациональности» путем объяснения альтруистического поведения индивидуумов исключительно в рамках рыночной ветви формирования общественных интересов [Тамбовцев, 2008]. Строго говоря, сюжет этот не нов, и в данном контексте совершенно оправданным выглядит обращение к Х. Марголису, одним из первых расширившему понятие рациональности, включив в него альтруизм¹⁷. Однако вывод

В. Тамбовцева, согласно которому «подобная трактовка функции полезности как функции, определенной не только на множестве товаров, но и на множестве состояний других индивидов, впервые, вероятно, была предложена Г. Марголисом в книге “Эгоизм, альтруизм и рациональность: теория социального выбора”» [Тамбовцев, 2008, с. 131], содержит две неточности.

Во-первых, такую трактовку связывают обычно со знаменитой статьей А. Бергсона [Bergson, 1938] и концепцией Бергсона-Самуэльсона [Samuelson, 1978], в соответствии с которыми в традиционные функции полезности были добавлены индивидуальные предпочтения в отношении различных состояний общества¹⁸. Во-вторых, подчеркну особо, «альтруизм или

¹⁶ Подчеркну, что нормативные интересы социума, формируемые в рамках политической ветви, – лишь некоторое приближение к потребностям общества, существующим в латентной форме. На этом важном вопросе я остановлюсь позже.

¹⁷ В трактовке Марголиса рациональный выбор должен сохранять возможность того, «что человек, который ведет себя даже таким образом, что наблюдатели считают его вредным для самого человека и окружающих, может, однако, быть рациональным» [Margolis, 1982, p. 14]. Комментируя эту модель, Д. Норт отметил, что «она позволяет объяснить некоторые модели поведения при голосовании, которые представляются бессмысленными в рамках поведенческой модели индивида, стремящегося к максимизации личной выгоды» [Норт, 1997, с. 30–31].

¹⁸ Данное предположение присутствует также в работах Д. Харсаньи [Harsanyi, 1955] и ряда других экономистов. Эта же гипотеза сформулирована К. Эрроу: «...принимается, что каждый индивидуум имеет порядок предпочтений на всех возможных состояниях социума. Этот порядок выражает не только его пожелания, касающиеся собственного потребления, но и его

чувство социальной ответственности», были введены Марголисом в его «модели справедливого распределения» (*fair-share* модель или FS-модель) в качестве «*группового интереса*» [Margolis, 1982, p. 11]. При этом предложенные им функции полезности состоят из двух компонентов, один из которых отражает индивидуальные предпочтения, другой – предпочтения, присущие совокупности индивидуумов как целому. Однако, придерживаясь принципа методологического индивидуализма, Марголис избавляется от «внерыночного довеса» и, придав групповому интересу соответствующие веса, присоединяет его к предпочтениям индивидуумов. В этом контексте модель Марголиса не сильно отличается от модели Бергсона-Самуэлясона. Фактически, и в той и в другой теоретической конструкции присутствует *дополнительное предположение* – своеобразный «пятый постулат» неоклассики об отсутствии интереса общества как такового, формируемого в рамках политической ветви (подробнее см. [Рубинштейн, 2010, с. 79–81]).

Замечу, что политическая ветвь – не просто теоретическая абстракция, а вполне реальный, и главное – наблюдаемый, процесс, обслуживаемый институтами общества. В нем принимают участие отдельные индивидуумы – пассионарии, раньше других обнаруживающие «болевы́е точки» социума; средства массовой информации, общественные движения и партии, служащие «институциональным лифтом» для интересов, еще не получивших широкого распространения; представительные органы разных уровней, которые в конечном итоге формулируют целевые установки, в той или иной мере соответствующие общественным ожиданиям. Именно данный процесс я рассматриваю в качестве принципиального механизма политической ветви формирования интересов общества как такового. Он должен найти соответствующее отражение в экономической методологии социального либерализма.

Интересы общества и механизмы их формирования

Обсуждая поставленный в начале статьи вопрос о природе и механизмах формирования интересов социальной целостности, соглашусь с Полтеровичем, подчеркнувшим, что дело не только в признании самого факта их существования, но и в конкретном описании политической системы, формирующей и актуализирующей эти несводимые интересы¹⁹. Вполне вероятно, что недосказанность по данному вопросу породила известное недопонимание некоторых моих коллег.

Дело в том, что если я рассматриваю политическую ветвь формирования нормативных интересов общества, обосновывая их автономность и несводимость к интересам индивидуумов, участвующих в генерировании рыночного общественного интереса, то это не означает, что нормативные интересы определяет какой-то мистический орган или иная абстракция. Конечно, нет. Как и в случае с рыночной ветвью общественного интереса, так и при формировании нормативного интереса общества участвуют конкретные люди, вступающие в определенное взаимодействие между собой и с существующими институтами. Не хочется думать, что дискуссия по данному поводу идет лишь на тривиальном уровне – участвуют или не участвуют индивидуумы в формировании нормативных интересов общества. Разумеется, участвуют. Проблема в другом: это одни и те же люди или разные индивидуумы; это одни и те же институты или разные институциональные среды, имманентные каждой из двух ветвей формирования общественных интересов. А вот здесь начинается уже содержательный анализ.

социальные установки, его взгляды на справедливость в распределении или на блага, получаемые другими индивидуумами на основании коллективных решений» [Эрроу, 2005, с. 78].

¹⁹ Подробное изложение позиции Полтеровича, высказанной во время наших личных бесед, содержится в [Рубинштейн, 2010, с. 111–116].

В соответствии с видением В. Полтеровича, например, интересы такого рода следует объяснить *различным поведением индивидуумов* в отношении одного и того же события в двух институционально разных средах – рыночной и политической. Думается, такая возможность не исключена. Другой вопрос, можно ли все варианты интересов общества как целого свести к подобной комбинации? Я склонен к отрицательному ответу. Главное, что меня не устраивает, так это само определение указанных интересов исключительно через «двоемыслие» одних и тех же людей. Повторю, я не отвергаю этот подход, но возражаю против его абсолютизации²⁰.

Можно утверждать, в частности, что существуют интересы, генерируемые политической средой, которые в принципе нельзя определять в терминах рыночных предпочтений. У подавляющего большинства людей подобные интересы вовсе отсутствуют. И лишь статистически незначимая часть общества – те, кого Платон называл «философами», Р. Масгрейв относил к «информированной группе людей», а К. Шмидт – к «политикам», способны осознать эти интересы. «Живя в обществе и, тем более, изучая его работу, необходимо принимать во внимание и такие феномены, которые не являются людьми или их комбинациями: роли, обязанности, статусы, правила, законы, обычаи» [Тейлор, 2001, с. 7–8]. Поэтому, если и можно говорить об участии остальных граждан в формировании интересов общества как такового, то очень опосредованно, имея в виду политические институты и механизмы передачи «в траст» мнения избирателей.

Возвращаясь к исходному тезису Полтеровича об интересах общества в целом, приведу главное свое возражение: речь должна идти не о различном поведении индивидуумов в отношении одного и того же события, а о *другом поведении в отношении другого события и, как правило, других людей*. Поясню, что я понимаю под «другими людьми», «другими событиями» и «другим поведением». Во-первых, я имею в виду демократически устроенное общество²¹ и его институты, включая парламент, члены которого на основе установленной процедуры «определяют» нормативные интересы общества и их текущие приоритеты. В соответствии с этим «другими людьми» является то небольшое количество выбранных индивидуумов, кому остальная часть населения доверила заботиться об общем благе. Понятно, что разговор о совпадении двух множеств индивидуумов, действующих в рыночной и политической средах, возможен лишь при замене парламентской процедуры референдумом. С учетом же того, что сам по себе референдум – достаточно редкое исключение из стандартной гражданской практики, я вправе считать, что в текущем политическом процессе формирования общественных интересов участвуют, как правило, «*другие люди*».

Во-вторых, если в рыночной среде индивидуум оценивает имеющиеся альтернативы с позиций собственной выгоды²², то политическая ветвь генерирует альтернативы, связанные с нормативным пониманием благосостояния общества. И в этом смысле речь, действительно, идет о «*других событиях*». Например, если в рыночной среде индивидуум решает вопрос о том, пойти ему в театр или купить яблоки, то в политической среде перед «*другими людьми*» встает иная альтернатива: надо ли поддерживать приобщение людей к театральному искусству

²⁰ Справедливости ради замечу, что взгляды Полтеровича со временем несколько изменились, и сегодня он готов согласиться с моим объяснением, в соответствии с которым речь идет о *двух* источниках оценки и, соответственно, о *разных* людях. Но об этом немного позже. Добавлю, что мое собственное понимание тут тоже не стояло на месте и во многом сформировалось под влиянием неоднократных бесед с Полтеровичем, за что я ему искренне благодарен.

²¹ В предисловии к англоязычному изданию книги Викселя «Исследование по теории финансов» Бьюкенен призвал «коллег-экономистов сначала построить какую-либо модель государственного или политического устройства, а уже потом приступить к анализу результатов государственной деятельности» [Бьюкенен, 1997, с. 18]. Следуя данной методологической установке и для целей анализа формирования общественных интересов, я рассматриваю достаточно простую модель парламентской демократии.

²² Вслед за Марголисом и я также готов к расширению границ смитианского своекорыстия, причем столь далеко, что альтруизм превращается в составляющую рационального поведения [Margolis, 1982, p. 17]. Замечу, что в этой постановке альтруистические интересы индивидуумов «улавливает» рыночная ветвь формирования общественных предпочтений.

или для общества важнее потребление ими фруктов. Понятно, что идентичность указанных альтернатив возможна лишь в случае проведения всенародных референдумов в отношении потребления каждого блага. Поэтому и здесь я вправе считать, что в политическом процессе формирования общественных интересов рассматриваются, как правило, «*другие события*».

В-третьих, я говорю о «другом поведении», потому что «другие люди» в своих предпочтениях от имени общества руководствуются не личными, а общественными средствами. И сколько бы ни говорить о возможной самоидентификации выбранных людей с обществом, от имени которого они принимают нормативные решения, все равно это не то же самое, когда за потребляемое благо индивидуум расплачивается отказом от собственного потребления других благ. На возможность более низкой оценки полезности общественных ресурсов для выборных людей по отношению к их собственным средствам указывают многие исследования²³. В этом смысле даже референдум не может исправить «генетический порок» общественных средств, что, собственно, и обуславливает феномен «*другого поведения*».

Столь пространные объяснения потребовались для того, чтобы еще раз разъяснить механизмы формирования нормативных интересов общества – один из ключевых элементов экономической методологии социального либерализма. Объяснив «другое поведение» «других людей», я стремился показать, что в предложенной модели с двумя ветвями формирования интересов социума в общем случае нет места двойственности предпочтений одних и тех же индивидуумов. Речь идет о двух источниках оценки, о принципиально разных общественных интересах, выявляемых в рыночной и политической средах. Собственно, это и есть содержание феномена несводимости: общественные предпочтения, сформированные в политической среде, невозможно представить в виде какого-либо агрегата предпочтений индивидуумов, выявляемых рыночными механизмами.

Исследуя такую категорию, как интерес социальной целостности, нельзя не обратить внимание и на имеющиеся различия в природе индивидуальных и групповых интересов. Надо сказать, что эта проблема никогда не пользовалась особой популярностью у экономистов. Если она и присутствует в экономическом анализе, то лишь в небольшом числе работ и скорее «по касательной»²⁴. Главным же сюжетом после фундаментальной работы К. Эрроу, посвященной Теории общественного выбора [Arrow, 1951], стало конструирование общих решений (формирование общественных предпочтений), имеющих, по определению, те же свойства, что и предпочтения индивидуумов. Причем сама эта теория с ее опорой на методологический индивидуализм не смогла расширить границы экономического анализа. Исходя из того, что общественный интерес есть лишь агрегат (комбинация) интересов индивидуумов, она, фактически, постулирует их одинаковую *позитивистскую* природу, оставляя за пределами анализа интересы социальной целостности, имеющие *нормативное содержание*.

Следует заметить также, что не пропавшее желание освободить экономическую теорию от ценностных представлений, приблизить ее к математике и сделать позитивистской наукой²⁵ привели к тому, что категория нормативных интересов оказалась, практически, изгнана из экономического анализа: там, где признается только «строгость и непротиворечивость», нет места нормативным категориям [Кэй, 2012, с. 7]. Между тем без нормативных интересов многие процессы объяснить просто невозможно. Поэтому расширение границ традиционной интер-

²³ Кроме работы А. Крюгер назову публикации Дж. Бьюкенена, А. Нисканена, М. Олсона, Г. Таллока. К этому добавлю, что конец столетия оказался переполнен упоминаниями о «рентоищущем классе», «политическом доходе», «бюрократической ренте», «логроллинге» и т. п.

²⁴ Я имею в виду публикации, посвященные ценностным установкам общества и их отражению в институциональной теории (см., также: [Харсаньи, 2004]).

²⁵ Я имею в виду знаменитую дискуссию на собрании совета «Союз социальной политики» в Вене в 1909 г. и доктрину Вебера-Зомбарта «свободной от ценностных суждений общественной науки» (*Wertfreiheit*), имеющую и сегодня своих сторонников.

претации интереса группы видится мне весьма важным шагом к построению экономической методологии социального либерализма. В дополнение к групповому агрегату индивидуальных предпочтений, имеющих, как и интересы индивидуумов, *позитивистскую* природу, следует добавить предпочтения группы как таковой, природа которых всегда *нормативная*.

Нормативный характер интереса любой социальной группы в целом – не гипотеза и не постулат. Вне зависимости от механизмов формирования такого интереса – будь то персональное решение лидера группы или выбор некоторой коалиции единомышленников (партии), или голосование всех членов группы, – он всегда определяется в форме ценностных суждений. В отличие от индивидуальных интересов членов группы, которые теория рассматривает в качестве того, «*что есть*», интерес группы в целом формулируется в терминах «*что должно быть*». Данный факт, демонстрирующий различия в природе индивидуальных и групповых интересов, указывает и на их несводимость друг к другу²⁶.

Обсуждая проблемы экономической методологии социального либерализма, включая наличие нормативного интереса общества и «уподобляя» государство рыночному субъекту, реализующему этот интерес, нельзя забывать вердикт Р. Будона, который подчеркивал, что подобные предположения правомочны лишь в том случае, если этот субъект наделен институциональными формами, позволяющими ему принимать коллективные решения [Boudon, 1979]. Таким образом, ясное и вполне выполнимое требование к государству – субъекту рынка состоит в наличии некой институциональной системы, позволяющей принимать решения от имени общества. В сущности, речь идет еще об одном аспекте рассматриваемой методологии – о политическом устройстве государства и институтах гражданского общества, обеспечивающих возможность коллективных решений.

Вот здесь и возникает проблема, о которой упоминалось выше. Речь идет о факторе неопределенности. Дело в том, что нормативные интересы общества всегда и в каждый момент времени обретают определенность лишь в форме своей проекции, детерминированной действующей политической системой и сложившейся институциональной средой, способными как приближать, так и отдалять общественный выбор от общественных потребностей. Иначе говоря, политическая ветвь актуализирует лишь такие интересы, которые готова признать сама политическая система, то есть совокупность действующих институтов и индивидуумов, обладающих властными полномочиями. Именно эти интересы, вне зависимости от их приближения к существующим в латентной форме потребностям социума, становятся, *по определению*, нормативными интересами общества. И хотя механизмы «социального иммунитета» вносят со временем свои коррективы, «исправляя» общественный выбор [Гринберг, Рубинштейн, 2000, с. 210], преодолеть фактор неопределенности не удастся. Повторю, мы всегда имеем дело с некоторыми приближениями интересов общества как такового²⁷.

Следует отметить также, что, если в недавнем прошлом доминировала концепция «благожелательного государства», активность которого направлена на реализацию действительно общественных интересов, то к концу XX в. все большую роль начинает играть тезис о смещении общественного выбора и связанных с ним политических решений в сторону интересов правящих элит [Stigler, 1971]. На эту же тенденцию обращает внимание и Ж.-Ж. Лаффон, рассматривающий «"аутентичного советника" правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую ее выгоды в данной экономической и политической ситуации» [Лаффон, 2007, с. 22–23].

²⁶ В подтверждение этого напомним теорему Д. Юма «О невозможности» – «из того, что есть, невозможно вывести то, что должно быть», сформулированную М. Блейком в виде знаменитой «Гильотины Юма» [Black, 1970, p. 24].

²⁷ Замечу, что и рыночная ветвь общественных интересов страдает синдромом неопределенности. Вспомнив условия теоремы Эрроу-Дебре, легко понять, что они выполняются крайне редко, обуславливая свои «проекции» общественного интереса.

Соглашаясь с таким трендом, надо иметь в виду упомянутый выше фактор неопределенности, который заставляет рассматривать программу «аутентичного советника» также в виде некоторой проекции интересов общества, существующих в латентной форме. Кроме того, было бы ошибочным исходить из наличия единственно возможного или объективно лучшего выбора. Он всегда лежит в поле нормативных решений, где главную роль играют социальные установки и целевые ориентиры правящей партии или коалиции, составляющей большинство в парламенте. Именно их решениями латентный интерес социума трансформируется в нормативный интерес, формулируемый той группой людей, которая обладает соответствующими полномочиями. Так или иначе, но здесь всегда имеет место субъективизм в определении нормативного интереса, который ряд авторов объясняют феноменом «принципал-агент»: реально принимающие решения политики (агенты) могут иметь свои предпочтения, не совпадающие с предпочтениями избирателей (принципал), от чьего имени они действуют [Афонцев, 2010]²⁸.

И дело не только в том, насколько представительен парламент и как организована его работа. В силу неоднородности общества сформулированный правящей партией нормативный интерес всегда будет отличаться от реальных потребностей социума. Относится это к любым «коллективным решениям». Поэтому при обсуждении экономической методологии социального либерализма необходимо исследовать возможности развития институтов гражданского общества, которые в условиях неопределенности интересов социума способны уменьшить отклонение от них общественных интересов, сформулированных политиками. Частичное решение проблемы предложил Лаффон, назвавший его «подходом с позиции полной конституции» [Лаффон, 2007, с. 29]²⁹. Это, конечно, не механизмы формирования нормативных интересов общества, а лишь некие рамки, ограничивающие политические решения, которые должна учитывать экономическая методология социального либерализма.

Разделяя присущий многим скепсис в отношении адекватности политических решений, я исхожу из того, что преодолеть такое положение дел при отсутствии соответствующих каналов выражения мнений и требований различных общественных групп, законных возможностей отстаивания их прав очень сложно, если вообще реально. Поэтому нельзя не думать об адекватных демократических институтах, которые настолько отражают интересы различных общественных групп, насколько развито гражданское общество [Posnett, 1987; Rose-Ackermann, 1996; Salamon, Hems, Chinnock, 2000; Аузан, Тамбовцев, 2005]. Задачи такого рода или хотя бы пути их решения также должны быть отражены в экономической методологии социального либерализма. При этом какими бы ни были общественные предпочтения, сформулированные парламентом в качестве нормативных интересов общества, их необходимо учесть в экономическом описании, в частности в условиях рыночного равновесия.

В этом контексте предпринятое расширение исходных предпосылок исследования, обеспечивающего выход за жесткие границы методологического индивидуализма и включения в анализ нормативных интересов общества, формируемых политической системой, позволяет обсудить еще одну часть экономической методологии социального либерализма. Речь идет о замене стандартных для неоклассической теории частных товаров более общей совокупностью опекаемых благ и возможности построения для них модели равновесия с учетом как индивидуальных предпочтений, так и интересов общества в целом³⁰.

²⁸ Более общее объяснение присутствует в работах по новой политэкономии (см., например, [Persson, Tabellini, 2005; Либман, 2007, 2008]).

²⁹ В этом контексте интерес представляют и работы Ж. Тироля, предложившего модель с «надзорными технологиями» [Tirole, 1986].

³⁰ Следует отметить, что частично задача расширения объекта исследования была решена Самуэльсоном в его знаменитой четырехстраничной статье, где к стандартным частным благам были добавлены общественные товары [Samuelson, 1954]. При этом построенная модель равновесия опиралась исключительно на интересы индивидуумов, а нормативные интересы общества, оставшиеся за пределами модели и вне экономики, были делегированы Самуэльсоном «эксперту по этике».

Модификация модели Викселля-Линдаля

В соответствии с теорией опекаемых благ универсальным признаком этих особых товаров и услуг служит их социальная полезность, то есть способность удовлетворять нормативные интересы общества. Сами же эти интересы являются общим мотивом для активности государства, которое, будучи автономным субъектом рынка, стремится максимизировать свою функцию полезности [Рубинштейн, 2009^а, 2009^б]. Принимая во внимание данные обстоятельства, попытаюсь ответить на третий вопрос, сформулированный в начале работы и относящийся к построению экономической модели, учитывающей как интересы отдельных индивидуумов, так и общества в целом.

Введем для этого некоторые обозначения. Из поставленной задачи следует, что в описание рыночного равновесия должны быть включены два качественно разных интереса U_I и U_S . Один из них представляет собой рыночный агрегат индивидуальных предпочтений, трансформируемых механизмом невидимой руки в интерес $U_I = f(U^1, U^2, \dots, U^n)$, где U^i – функция полезности i -го индивидуума. Другой – нормативный интерес общества U_S , формируемый в границах и посредством существующей политической системы. Иначе говоря, U_I и U_S обозначают результаты «работы» двух институционально разных ветвей формирования интересов общества. Пусть мегаиндивидуум представляет рыночный агрегат предпочтений индивидуумов U_I , а меритор является носителем нормативных интересов U_S , генерируемых политической системой.

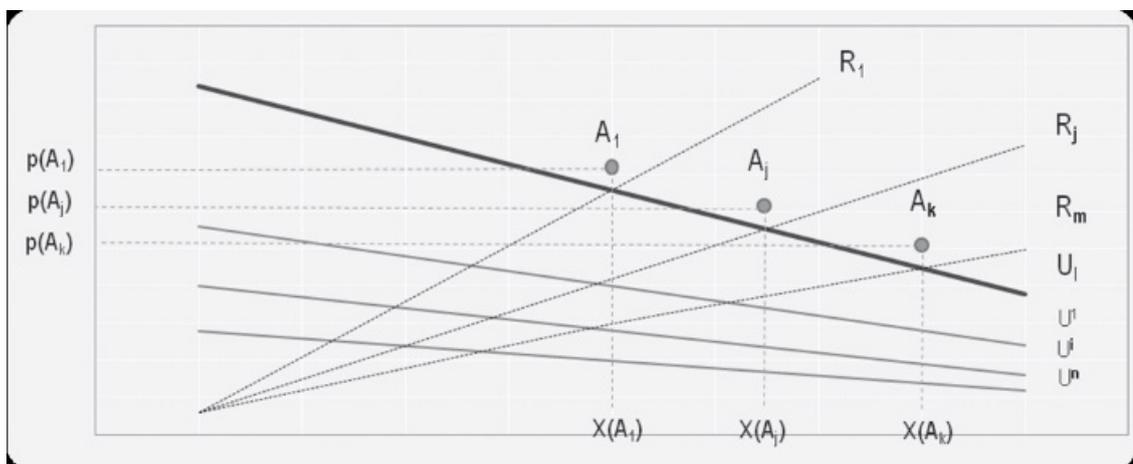

Рис. 1. Рыночный агрегат функций полезности индивидуумов

Говоря о рыночном агрегате U_I , я имею в виду агрегированную функцию индивидуальных полезностей $U_I(A)$, заданную на множестве точек конкурентного равновесия $A \{A_1, \dots, A_j, \dots, A_k\}$, в которых для каждой j -й кривой предложения R_j значение функции $U_I(A_j)$ определяется равновесной ценой $p_j = p(A_j)$ и соответствующим объемом блага $x_j = X(A_j) = x_j^1 + x_j^2 + \dots + x_j^n$. При этом различные точки равновесия обусловлены внешними условиями – кривыми предложения R_j (см. рис. 1).

Для того чтобы определить нормативный интерес U_S , формируемый в рамках политической системы, воспользуемся следующей Леммой I. Всякий нормативный интерес общества U_S может быть выражен в потребности меритора в увеличении (уменьшении) объема производства (потребления) некоего блага по отношению к той величине, которая соответствует рыноч-

ному равновесию, то есть равенству предложения и агрегированного спроса мегаиндивидуума на это благо. Согласно данной лемме, интерес U_S материализуется в форме дополнительного спроса, предъявляемого меритором в отношении блага X , ставшего предметом общественной опеки. Говоря о спросе меритора, я имею в виду функцию социальной полезности $U_S(B)$, заданную на множестве точек $B \{B_1, \dots, B_j, \dots, B_k\}$, в которых для каждой j -й кривой предложения R_j значение функции $U_S(B_j)$ определяется ценой $p_j = p(B_j)$, которую готов заплатить меритор за потребление данного блага индивидуумами в объеме $x_j = X(B_j)$ (см. рис. 2).

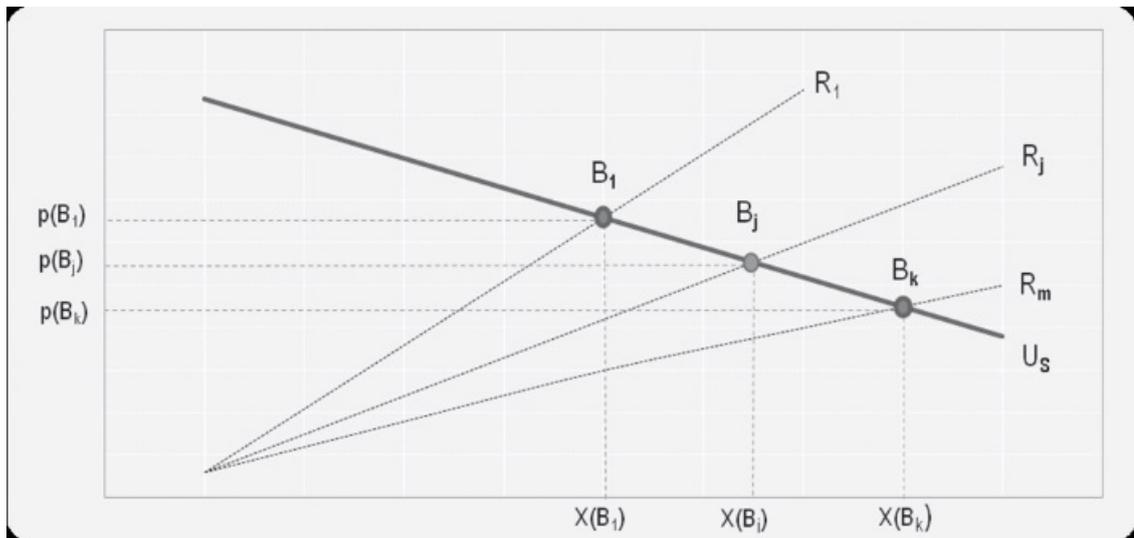

Рис. 2. Функция полезности меритора

При этом нельзя упускать из вида особенности функции социальной полезности U_S . Как следует из описанных выше механизмов формирования нормативных интересов общества, в их основе лежат, во-первых, предпочтения «других людей», во-вторых, и это самое главное, не потребность в приобретении опекаемого блага X этими, «другими людьми», в частности членами парламента или иными представителями власти, принимающими решение от имени общества, а нормативные установки по поводу «другого события» – в данном случае в отношении суммарного объема потребления опекаемого блага теми же самыми индивидуумами, интересы которых представляет мегаиндивидуум U_1 .

Поэтому при реализации нормативного интереса U_S , то есть при потреблении блага X в соответствующем объеме x_j , наблюдаются два результата: наряду с удовольствием индивидуумов имеет место удовлетворенность их сообщества в целом общим уровнем потребления указанного блага. Это означает, что суммарный объем опекаемого блага $x_j = x_j^1 + x_j^2 + \dots + x_j^n$ входит одновременно, причем в одинаковом количестве, в функции полезности мегаиндивидуума и меритора. Без потребления блага X индивидуумами не может удовлетворяться нормативный интерес общества, и чем больше достается индивидуумам, тем в большей степени реализуется и общественный интерес. Нетрудно показать, что в этом случае опекаемое благо проявляет два известных свойства – неисключаемость и несоперничество мегаиндивидуума и меритора. Иначе говоря, опекаемое благо X превращается в общественный товар, который мегаиндивидуум и меритор потребляют совместно и в равном количестве³¹.

³¹ В формулировке Самуэльсона «общественным является товар, входящий в одинаковом количестве в две или более индивидуальные функции полезности» [Samuelson, 1954, p. 108]; как указывает Блауг, ссылаясь на У. Маццола, «особая природа общественных благ заключается в том, что их потребление может быть только совместным и равным: чем больше достается одному домохозяйству, тем больше, а не меньше достается любому другому» [Блауг, 1994, с. 549]. Замечу также, что

В связи с этим обратим внимание на следующий феномен. Возникновение интереса U_S в дополнение к интересу U_I в отношении опекаемого блага X и появление отвечающих за эти интересы пары игроков – меритора и мегаиндивидуума сопровождаются социальной мутацией самого блага X . Я имею в виду приобретение данным благом свойств общественного товара³². Общий вывод можно сформулировать в следующей Лемме II (центральная лемма). Если индивидуумы из множества N имеют предпочтения U^1, U^2, \dots, U^n в отношении частного товара X и их агрегированный посредством рыночных механизмов совокупный интерес $U_I = f(U^1, U^2, \dots, U^n)$ дополняет нормативный интерес общества U_S в отношении этого же блага, то само благо X приобретает некую двойственность: оставаясь частным благом для всех индивидуумов из множества N , оно выступает в качестве общественного товара для пары носителей интересов $U_I(X)$ и $U_S(X)$.

Замечу, что в данной ситуации имеет смысл рассматривать только двух субъектов, для которых благо X становится общественным. Дело в том, что для отдельных индивидуумов опекаемое благо X по-прежнему остается частным³³ и любой из них действует в ситуации соперничества, и каждого можно исключить из процесса потребления данного блага. Но может ли меритор образовывать пару совместного и равного потребления с каждым индивидуумом в отдельности? Конечно, нет. Дело в том, что индивидуумы потребляют это благо в разных объемах X_j^i . И лишь мегаиндивидуум, потребляющий суммарный объем опекаемого блага $j = x_j^1 + x_j^2 + \dots + x_j^n$, выступает партнером меритора по совместному и равному потреблению этого блага.

Размышляя о модели равновесия, учитывающей интерес индивидуумов и общества в целом, и имея в виду центральную лемму (Лемма II) и размышляя о модели равновесия, учитывающей интерес индивидуумов и общества в целом, нетрудно понять, что решение данной задачи сопряжено с определением величины совокупного спроса на опекаемое благо. При этом очевидно, что генетическая неоднородность интересов мегаиндивидуума и меритора не допускают простого суммирования объемов потребления опекаемого блага участниками этой пары. Кроме следствия из уже упоминавшейся «гильотины Юма», об этом же свидетельствует и тот факт, что в каждой точке конкурентного равновесия A_j функция полезности мегаиндивидуума $U_I(A_j)$ обусловлена предпочтениями индивидуумов, а функция полезности меритора $U_S(B_j)$ есть результат выбора «других людей» в отношении «других событий». К сказанному следует добавить и то обстоятельство, на которое я уже обращал внимание, – меритор удовлетворяет свой нормативный интерес исключительно в результате потребления мегаиндивидуума.

Выход из создавшейся ситуации подсказывает та же *Лемма II*. Из нее непосредственно вытекает возможность использования известной модели равновесия Викселля-Линдаля для общественных товаров, предусматривающая схему вертикального суммирования функций спроса [Lindahl, 1958]. Учитывая социальную мутацию опекаемого блага и его превращение в общественный товар для мегаиндивидуума и меритора, при небольшой модификации эта модель может быть обобщена для всей совокупности опекаемых благ, то есть для любых товаров и услуг, обладающих социальной полезностью.

при описании общественных благ часто пользуются адекватными этим дефинициям свойствами «неисключаемости» и «несоперничества».

³² Хочу обратить внимание на аналогичные рассуждения Марголиса при рассмотрении поведения S-Смита, отвечающего за своекорыстие, и G-Смита – за альтруизм, внутри одного индивидуума, повлекшие за собой признание любого блага общественным товаром для данной пары участников в FS-модели [Margolis, 1982, p. 36–46].

³³ За исключением тех случаев, когда оно исходно, до попадания под опеку общества, проявляло свойства общественного товара.

Рассмотрим данный вопрос несколько подробнее, сопоставляя базовую и модифицированную модель Викселля-Линдаля. Во-первых, и в той и в другой модели рассматривается единичное общественное благо и два субъекта: у Линдаля – агрегированная группа индивидуумов, обладающих высоким доходом, а также агрегированная группа менее обеспеченных индивидуумов; в модели для опекаемых благ их заменяют носители агрегированных интересов, располагающие собственными средствами – мегаиндивидуум и меритор.

Во-вторых, в модели Викселля-Линдаля «спрос одного участника на общественное благо по определенной цене зависит от точки зрения другого участника, так как предложение данного блага возможно только в случае покрытия всей стоимости его производства» [Lindahl, 1958, p. 85]. В модифицированной модели для опекаемых благ это условие также претерпевает некоторые изменения. Устанавливаемые меритором цена и объем опекаемого блага зависят от цены, по которой мегаиндивидуум готов приобретать этот суммарный объем данного блага, обеспечивая полное покрытие издержек его производства.

В-третьих, в модели Викселля-Линдаля «спрос и предложение касаются не общественных товаров как таковых, а доли пользования ими». Адекватен этому и процесс финансирования, который «устроен таким образом, что каждый индивид вносит налоговый взнос, соответствующий его оценке общественного блага» [Lindahl, 1967, p. 86, 91]. С учетом же того, что в модифицированной модели действуют не отдельные индивидуумы, а мегаиндивидуум и меритор, вклады участников также определяются предельными полезностями. Однако речь здесь идет уже не о налогах, а о ценах: о единой цене p_j , по которой каждый i -й индивидуум готов покупать определенный объем опекаемого блага x_j^i ; и цене p_j^S , по которой меритор готов оплачивать опекаемое благо в объеме $x_j = x_j^1 + x_j^i + \dots + x_j^n$.

Легко заметить, что предложенная модификация базовой модели не меняет общего вывода: совокупный спрос в этой модели определяется путем вертикального суммирования кривых спроса мегаиндивидуума и меритора, а Парето-эффективное равновесие для данной пары игроков, имеющих персональные интересы в отношении опекаемого блага X , реализуется в форме равновесия Викселля-Линдаля. Подчеркну особо, что в данном равновесии участники потребляют общественное благо в равном количестве, но по разным ценам (см. рис. 3).

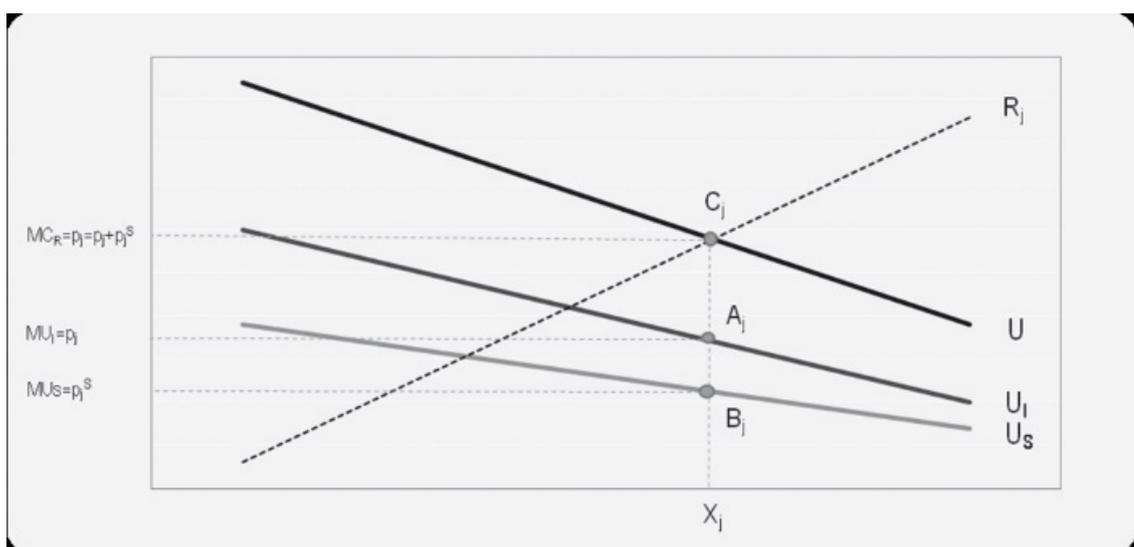

Рис. 3. Равновесие Викселля-Линдаля для опекаемых благ

Этот вывод дает основание для следующей Леммы III (лемма инверсии). Возникновение нормативного интереса общества U_S в отношении любого частного блага X , которое индиви-

дуумы приобретали в разных количествах x_j^i , но по единой цене p_j^i , порождает социальную мутацию этого блага и приводит к инверсии его равновесных цен и количества: мегаиндивидуум и меритор приобретают ставшее для них общественным благо в одинаковом количестве X_j , но по разным ценам p_j^i и p_j^S . Лемма инверсии устанавливает связь между появлением нормативного интереса в отношении частного блага и инверсией цен и количества данного блага при определении совокупного спроса, учитывающего как индивидуальные предпочтения, так и общественные предпочтения. Следует подчеркнуть также, что в предложенной модификации модели Викселля – Линдаля цены равновесия имеют разную природу³⁴. В основе персонафицированной цены мегаиндивидуума (p^i) лежит предельная индивидуальная полезность частного блага X ; цена, оплачиваемая меритором (p^S), также соответствует предельной, но уже социальной полезности общественного блага X и отражает ту часть бюджетных ресурсов меритора, которая расходуется на реализацию социального интереса U_S .

Сформулирую теперь общий вывод, причем также в виде Леммы II. В обобщенной версии равновесия с учетом того, что на рынке одновременно оперируют индивидуальные субъекты с присущими им предпочтениями U^1, U^2, \dots, U^n и действующее от лица общества государство, стремящееся реализовать выявляемые политической системой общественные предпочтения U_S , равновесие достигается тогда, когда предельные издержки уравниваются суммой предельной индивидуальной и предельной социальной полезности блага: $MC_R = MU_I + MU_S$.

Иначе говоря, построенная модель демонстрирует последствия появления нормативного интереса общества в отношении частного товара или услуги – его превращение в опекаемое благо и изменение стандартных условий равновесия посредством добавления еще одной составляющей, отражающей расходы государства, направленные на реализацию данного интереса. Собственно это и есть общее описание условий равновесия для любых разновидностей рынков опекаемых благ, которое необходимо учитывать в экономической методологии социального либерализма. Дело в том, что возникновение нормативного интереса социума меняет конфигурацию равновесия – совокупность его участников. Так, появление среди субъектов рынка государства, стремящегося максимизировать функцию социальной полезности, в состав которой входят различные виды опекаемых благ, обуславливает один и тот же тип государственной активности. Речь всегда идет об обмене бюджетных средств на социальную полезность, извлекаемую посредством реализации общественного интереса U_S .

Следует обратить внимание на выделенный выше термин «появление» применительно к нормативному интересу общества. Этим я хотел подчеркнуть динамический характер данной категории. Действительно, в общем случае надо говорить о процессах возникновения и исчезновения нормативного интереса. Это следует из самой природы рассматриваемого феномена: всегда можно представить такие социально-экономические и политические условия и такие вызванные этими условиями ценностные суждения и нормативные установки, когда их достижение потребует наделить социальной полезностью, то есть способностью удовлетворять соответствующий социальный интерес, любой товар и или услугу, превращая их в опекаемое благо. Подобная связь указывает на *историчность* и *эволюционный* характер класса опекаемых благ: отказ от прежних целевых установок и появление новых задач приводят к тому, что одни блага утрачивают способность удовлетворять общественные интересы, другие же, наоборот, ее приобретают [Рубинштейн, 2008, с. 113–143].

³⁴ Напомню, что в трактовке самого Линдаля, речь идет о совокупности граждан, приобретающих одинаковое количество общественного блага, но по разным ценам. При этом все эти цены, будучи налоговыми взносами индивидуумов, имеют одну и ту же природу.

* * *

В заключение еще один комментарий в отношении самой категории «социальный либерализм». Мое желание вернуться к этой теме продиктовано намерением подтвердить свои мировоззренческие позиции: мне одинаково чужды и рыночный фундаментализм, и коммунистическая идеология. Поэтому любые попытки оппонентов увязать одно из ключевых положений разрабатываемой методологии – наличие несводимых потребностей общества как такового – с давно устаревшей «органической концепцией» или «новыми» социалистическими идеями, я рассматриваю как недопонимание моих разработок, требующее дополнительных разъяснений.

В этом ряду – сомнения ряда исследователей, указывающих на близость тезиса о существовании интересов общества как целого к недемократическим социально-экономическим системам, к тому, что было в советское время, когда утверждалось, что общественные интересы имеют примат перед личными. Некоторые из моих коллег и вовсе опасаются, что предлагаемая «начинка» социального либерализма может стать удобным идеологическим прикрытием для тех, кто стремится навязать обществу свои представления о благополучии. Такие опасения понятны, особенно с учетом человеконенавистнических режимов А. Гитлера и И. Сталина. Повидимому, этим историческим опытом объясняется и столь жесткая индивидуалистическая позиция Ф. Хайека, К. Поппера, Дж. Бьюкенена и других выдающихся ученых XX в.

Отвечая на подобного рода аргументы, считаю важным, во-первых, заявить свою *правоцентристскую* позицию. Без всяких оговорок я отношу себя к категорическим противникам любых версий подчинения индивидуальных интересов общественным потребностям. И в этом смысле я на стороне Хайека, Поппера и Бьюкенена. Однако сам факт признания интереса общества как такового не означает подчинения ему интересов индивидуумов. Иначе говоря, дополнение индивидуальных интересов общественными не предусматривает их иерархии. И в этом смысле экономическая методология социального либерализма, развивающая либеральную парадигму посредством введения институтов конкуренции за ресурсы между рыночной и политической ветвями формирования общественных интересов – абсолютно рыночная конструкция.

Во-вторых, реально заданная иерархия потребностей в тоталитарных обществах, выраженная в подчинении индивидуальных интересов «общественным», требует отказа от комплексности полезностей и допускает только одну, вне рыночную, ветвь формирования этих интересов. Наличие иерархии не оставляет места для несводимости, так как *a priori* постулируется совпадение личных и общественных интересов: «все, что хорошо для общества, хорошо и для индивидуумов». Здесь невольно напрашивается ассоциация с теоремой Эрроу «О невозможности», с ее единственным случаем, когда «невозможное становится возможным», когда предпочтения индивидуумов тождественны предпочтениям диктатора. В тоталитарном обществе все интересы сводимы. Несводимость же существует лишь в демократическом обществе, где интересы индивидуумов различны.

И наконец, в-третьих, исторический опыт и эволюция либеральной идеологии продемонстрировали, что без учета социальной составляющей всеобщего благосостояния в достаточной степени невозможно обеспечить ни права индивидуумов, ни их свободы. При этом традиционная интерпретация социального компонента исключительно в терминах комбинации индивидуальных предпочтений дала незначительный прирост «объяснительного потенциала», даже в том случае, когда своекорыстие включает в себя и альтруизм, а условие рациональности заменяется ограниченной рациональностью.

Поэтому предложенное в данной статье приближение теоретической конструкции к реальной практике в результате включения в экономический анализ двух ветвей формирова-

ния общественных интересов и учет их конкурентных взаимодействий в рыночном равновесии представляется мне существенным шагом не только в достижении определенной сбалансированности либерального и социального компонентов, но и в развитии общей экономической методологии.

Список литературы

- Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. М., 1998.
- Ансар П. Современная социология // Социологические исследования. 1995. № 12; 1996. №№ 1–2, 7–10; 1997. № 7.
- Аузан А. А., Тамбовцев В. И. Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. 2005. № 5.
- Афонцев С. А. Политические рынки и экономическая политика. М., 2010.
- Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
- Болдырев И. Языковые игры и экономическая теория мейнстрима. М., 2008.
- Будон Р. Теория социальных изменений. М., 1999.
- Бхаскар Р. Общества // Социо-логос. Общество и сферы смысла. Вып. 1. М., 1991.
- Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М., 1997.
- Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.
- Вебер М. Исследования по методологии наук. М., 1980.
- Верлен Б. Объективизм Поппера и метод критического рационализма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 4.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2009.
- Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994.
- Гофман А. Б. Эмиль Дюркгейм в России: рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли. М., 2001.
- Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Основания смешанной экономики. М., 2008.
- Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Экономическая социодинамика. М., 2000.
- Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев – Харьков, 1899.
- Канто-Спербер М. Философия либерального социализма // Неприкосновенный запас. 2004. № 6.
- Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М., 2007.
- Крозье М. Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения // Свободная мысль. 1993. № 2.
- Кэй Дж. Карта – не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. 2012. № 5.
- Лаффон Ж.-Ж. Стимулы и политэкономия. М., 2007.
- Либман А. М. Политико-экономические исследования и современная экономическая теория. М., 2008.
- Либман А. М. Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития. М., 2007.
- Милль Дж. С. О свободе (1859) // Наука и жизнь. 1993. № 11, № 12.
- Милль Дж. С. Система логики силлогистической и интуитивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М., 1914.
- Перспективы либерализма и поиск корней // Неприкосновенный запас. 2004. № 6.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

- Полтерович В. М. Становление общего социального анализа. М., 2010.
- Поппер К. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы // Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992.
- Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
- Рубинштейн А. Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья 1. Опекаемые блага и их место в экономической теории // *Общественные науки и современность*. 2009а. № 1.
- Рубинштейн А. Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья 2. Социодинамическое описание рынков опекаемых благ // *Общественные науки и современность*. 2009б. № 2.
- Рубинштейн А. Я. Опекаемые блага: институциональные трансформации // *Вопросы экономики*. 2011. № 3.
- Рубинштейн А. Я. Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М., 2010.
- Рубинштейн А. Я. Экономика общественных предпочтений. М., 2008.
- Сен А. Об этике и экономике. М., 1996.
- Сен А. Развитие как свобода. М., 2004.
- Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 2000.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 2009.
- Тамбовцев В. Л. Перспективы экономического империализма // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5.
- Тамбовцев В. Возникновение институтов: методолого-индивидуалистический подход // *Вопросы экономики*. 2010. № 11.
- Тейлор Ч. Неразложимо социальные блага // *Неприкосновенный запас*. 2001. № 4.
- Харсаньи Дж. Ценностные суждения // *Экономическая теория*. М., 2004.
- Хиршман А. О. Интересы // *Экономическая теория*. М., 2004.
- Ходжсон Дж. Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция // *Вопросы экономики*. 2008. № 8.
- Шаститко А. Е. Теоретические вопросы неинституционализма // *Введение в институциональный анализ*. М., 1996.
- Эрроу К. Дж. Общее экономическое равновесие: цель исследования, методология анализа, коллективный выбор. Нобелевская лекция. 12 декабря 1972 г. Лекции нобелевских лауреатов по экономике. *Современная экономика и право*. М., 2005.
- Agassi J. Methodological Individualism // *Modes of Individualism and Collectivism*. London, 1973.
- Agassi J. Methodological individualism // *The British Journal of Sociology*. 1960. Vol. 11. № 3.
- Aoki M. *Toward a Comparative Institutional Analysis*. Cambridge (MA), 2001.
- Arrow K. *Social Choice and Individual Values*. New York, 1951.
- Arrow K., Debreu G. The Existence of and Equilibrium for a Competitive Economy // *Econometrica*. 1954. Vol. XXII.
- Bergson A. A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics // *Quarterly Journal of Economics*. 1938. February.
- Bhaskar R. *The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences*. Brighton, 1989.
- Black M. *Margins of Precision. Essays in Logic and Language*. Ithaca, 1970.
- Bortis H. *From neo-liberal Capitalism to Social Liberalism on the basis of Classical-Keynesian Political Economy*. Switzerland, 2009.
- Boudon R. Individualisme ou holisme: un débat méthodologique fondamental // Mendras H., Verret M. *Les Champs de la sociologie française*. Paris, 1988.
- Boudon R. *La logique du sociale: introduction à l'analyse sociologique*. Paris, 1979.
- Harsanyi J. Cardinal Welfare, Individualistic Ethics, and Interpersonal Comparisons of Utility // *Journal of Political Economy*. 1955. August.

- Giddens A. *Sociology*. Cambridge, 2001.
- Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge, 1984.
- Grinberg R., Rubinstein A. *Economic Sociodynamics*. Berlin, New York, 2010.
- Kincaid H. *Methodological Individualism/Atomism // The Handbook of Economic Methodology*. London, 1998.
- Lindahl E. «Positive Lösung, Die Gerechtigkeit der Besteuerung» Eine Analyse der Steuerprinzipien auf Grundlage der Grenznutzentheorie, translated as: «Just taxation – a positive solution», 1919 // *Classics in the Theory of Public Finance*. London, 1967.
- Margolis H. *Selfishness, Altruism and Rationality: A Theory of Social Choice*. Chicago, London, 1982.
- Menger C. *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*. Wien – Leipzig, 1923.
- Musgrave R. A. *The Theory of Public Finance*. New York – London, 1959. *The Nature and Scope of Social Science. A Critical Anthology*. New York, 1969.
- Modes of Individualism and Collectivism*. London, 1973.
- Persson T., Tabellini G. *The Economic Effects of Constitutions*. Cambridge (MA), 2005.
- Posnett J. *Trends in the Income of Charities, 1980 to 1985 // Charity Trends 1986/87*. Tonbridge, 1987.
- Rose-Ackermann S. *Altruism, Nonprofits, and Economic Theory // Journal of Economic Literature*. 1996. Vol. 34. № 2.
- Salamon L., Hems L., Chinnock K. *The Nonprofit Sector: For What and for Whom? // Working Papers of the Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project*. № 37. Baltimore, 2000.
- Samuelson P. A. *The pure theory of public expenditure // Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36. № 4.
- Samuelson P. *Reaffirming the Existence of «Reasonable» Bergson-Samuelson Social Welfare Functions // Economics*. 1978. № 173.
- Schaffle A. E. F. *Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft*, 3. Aufl., 1. Band, 1873.
- Sen A. *Development as Freedom*. Oxford, 1999. *Le socialisme liberal. Une anthologie: Europe-Etats-Unis*. Paris, 2003.
- Stigler G. *The Theory of Economic Regulation // Bell Journal of Economics*. 1971. Vol. 2. № 1.
- Taylor Ch. *Cross-Purposes: The Liberal-Communitarian Debate // Liberalism and Moral Life*. Harvard, 1989.
- Touraine A. *Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui*. Paris, 2005.
- Wicksell K. *Finanstheoretische Untersuchungen*, Jena, 1896.

А. М. Либман. Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика

Автор выражает признательность А. Я. Рубинштейну за многочисленные замечания к тексту работы; все ошибки и неточности остаются, конечно, на совести автора.

«Социальный либерализм» – поиск оптимального баланса между принципами свободы выбора, лежащими в основе либерализма, и учета «общего блага» (определения которого, в свою очередь, разнятся) – обсуждается в социальных науках, наверное, уже больше столетия. Оценки возможности существования «социального либерализма» разнятся от восприятия последнего как оксюморона до утверждений о неизбежности включения в современный либерализм социальной компоненты. А. Рубинштейн в своей работе [Рубинштейн, 2012] пытается сформулировать экономическую методологию социального либерализма на основе разработанной им концепции экономической социо динамики (КЭС). Ее главный принцип – несводимость групповых интересов к индивидуальным.

Настоящая работа представляет собой попытку диалога с Рубинштейном. В частности – о концепции «общественного интереса» и пределах ее применения. Кроме того, я предлагаю на рассмотрение другую попытку модернизации неоклассической теории, представляющую интерес с точки зрения обсуждаемого вопроса, – «либертарианский патернализм».

Общественный интерес и позитивный анализ

При обсуждении концепции общественного интереса целесообразно, прежде всего, четко разграничивать две перспективы: позитивный анализ (объяснение существующих обществ и экономик) и нормативный анализ (оценку результатов функционирования тех или иных политик и институтов, исходя из набора заданных критериев). КЭС вводит «общественный интерес», прежде всего, как инструмент позитивного анализа, без которого понять масштабы и направления государственного вмешательства невозможно. Важно подчеркнуть: в этом случае речь идет, по сути дела, о замене одного комплекса допущений (методологического индивидуализма) другим (принципом несводимости). Хотя первый комплекс допущений и «привычнее» для большинства экономистов, это еще не может считаться *ex ante* достаточным аргументом в его пользу.

При этом Рубинштейн оправданно указывает на ограничения методологического индивидуализма как фундамента экономических моделей. Во-первых, в то время как в своем чистом виде методологический индивидуализм претендует на объяснение любых общественных явлений как результата взаимодействия индивидов, не менее справедливо и утверждение, согласно которому действия индивидов так или иначе определяются обществом. Речь идет не только об ограничениях выбора (которые, естественно, обусловлены социальными институтами), но и о самих предпочтениях, которые «конструируются» обществом. В экономической теории модели обычно предполагают неизменность экзогенно заданных предпочтений, поэтому этот канал влияния остается без внимания; однако речь идет лишь об упрощении модели, и не более того³⁵.

³⁵ Экономисты в принципе предпочитают не обсуждать природу человеческих предпочтений, оставляя эту тему, например, психологам; насколько оправданы такие ограничения при построении моделей, обсуждается, например, в [Либман, Хейфец, 2011].

Во-вторых, уровень агрегирования в модели определяется и сугубо практическими соображениями – далеко не всегда требуется детальное «микрофундирование» для того, чтобы получить интересные и эмпирически тестируемые результаты; речь идет о поиске необходимого и достаточного уровня сложности моделей. Правда, во многих отраслях экономической науки (в том числе и таких, как – после теории рациональных ожиданий Р. Лукаса – макроэкономика и – после новой экономики международной торговли М. Мелитца – международная экономика) «магистральным» направлением становится как раз все более активное использование микроэкономических инструментов, то есть более жесткое следование принципу методологического индивидуализма. Но и в этом случае оптимальный уровень агрегации (фирма, домохозяйство, страна или индивид) может различаться.

При этом в КЭС предполагается, что общественный интерес формируется в результате функционирования двух ветвей принятия решений: рыночной и политической, принципиально не сводимых друг к другу. На самом деле для позитивного анализа наиболее дискуссионным можно считать именно это утверждение. Что касается особой «политической» ветви, в которой происходит взаимодействие «других» людей по поводу «других событий», и где имеет место «другое поведение» по сравнению с рыночным, следует отметить, что четкая дифференциация сфер взаимодействия – и само выделение «политического» как особой арены действий – свойственно далеко не всем человеческим обществам. Во многих из них грань между «политическим» и «рыночным» механизмами принятия решений носила расплывчатый характер. Например, классическая картина разнообразных архаических империй описывает их чисто «перераспределительными» обществами, в которых рынок как механизм формирования предпочтений в принципе отсутствует или очень тесно переплетен с политикой³⁶. Возможно, при анализе таких обществ можно просто зафиксировать, что та или иная ветвь принятия решений в них малоразвита или играет подчиненную роль по отношению к другой; КЭС же рассматривает «общий случай» равноправия обеих ветвей – вопрос состоит в том, может ли частная (и, следовательно, более простая) теория использоваться для эмпирического анализа?

Впрочем, суть развития и состоит в усиливающейся функциональной дифференциации сфер общества, в том числе между политической и рыночной ветвями принятия решений³⁷. Правда, даже в современных обществах грань между ними может оказаться расплывчатой. Политические решения принимаются парламентом при активном участии групп интересов – а последние представляют тех же самых игроков (например, бизнес или профсоюзы³⁸), что участвуют и в рыночном взаимодействии. Не говоря уже о том, что референдум, действительно применяющийся крайне редко в одних странах, это рутинное средство принятия решений в других: например, в Швейцарии или – на местном уровне – в США. Практически во всех развитых странах сегодня реализуются эксперименты с разного рода «демократией участия», основанной на большем вовлечении простых граждан в процесс принятия решений – в основном, опять же, на местном уровне.

Наконец, действительно ли при принятии политических решений речь идет о «другом поведении», не таком, как на рынке? Ведь те или иные решения относительно производства общественных благ обладают очень четкой индивидуальной полезностью для отдельных политиков (скажем, повышают их шансы на переизбрание или открывают возможности для поиска

³⁶ Другое дело, что образ перераспределительных империй нередко является упрощенным – это особенно справедливо для Китая, одного из наиболее часто упоминающихся примеров обществ, основанных на перераспределении. На самом деле Китай имеет давнюю традицию автономных от государства рынков [Pomeranz, 2000].

³⁷ Можно спорить, являются ли архаические империи или современные развитые страны «общим случаем», под который должна быть «заточена» теория, но подход, ориентирующийся преимущественно на функционально дифференцированные общества, имеет полное право на существование (собственно говоря, большинство работ в общественных науках относится к этой группе).

³⁸ Последние могут анализироваться как носители группового интереса с точки зрения КЭС, а могут – как примеры монополистических фирм на рынке труда, стремящихся к максимизации ренты.

ренты). Действительно, во многих случаях участники «рыночной» ветви принятия решений не имеют предпочтений относительно решений, принимаемых «политической» ветвью (хотя это тоже справедливо далеко не всегда), но зато они всегда имеют предпочтения относительно «комплементарных» к политическим решений. Например, последствием любых решений о государственных расходах является изменение налогового бремени – а это уже фактор, напрямую влияющий на каждого участника *рыночных* отношений. Вся исследовательская программа теории общественного выбора строится именно на объяснении политических решений на основе этой логики³⁹. Другой пример – теория «административных рынков», использовавшаяся для описания политических решений в советской экономике [Кордонский, 2000]. Данный подход предполагает, в конечном счете, «растворение» политической ветви принятия решений в рыночной, где политика превращается в еще один рынок.

Аналогичные вопросы можно задать и в отношении «рыночной» ветви принятия решений – правда, их чаще задают социологи, а не экономисты. Рынки также могут рассматриваться как арены борьбы за власть, подчиняющиеся логике политических решений [Fligstein, 2002; Oleinik, 2010]. Так что и здесь, возможно, четкая грань между политической и рыночной ветвями исчезает.

Даже с приведенными выше оговорками, с позитивной точки зрения призыв к учету «политической» ветви принятия решений и стремление отказаться от моделирования ее как «еще одного» рынка, вне всякого сомнения, заслуживает внимания. Собственно говоря, в какой степени политика может восприниматься как «обмен» или «рынок» – предмет острых дискуссий: если для теории общественного выбора (и, прежде всего, парадигмы Дж. Бьюкенена [Buchanan, 1987]), как уже говорилось, политика – особый случай обмена, то, скажем, для экономики конвенций [Boltanski, Thevenot, 2006] политическая сфера руководствуется собственными нормами справедливости, отличными от рыночных. Вопрос, на мой взгляд, носит *эмпирический* характер: насколько адекватно рыночная модель описывает поведение игроков в политической сфере – и остается одним из наиболее дискутируемых в политической экономике и, особенно, в политологии, где анализ с точки зрения рациональных индивидов – лишь одна из альтернатив.

Общественный интерес и нормативный анализ

Однако социальный либерализм представляет собой не столько позитивную исследовательскую повестку дня, сколько набор *нормативных* рекомендаций государственной политики, а в этом отношении концепция общественного интереса вызывает больше вопросов. Для нормативного анализа необходим набор *критериев*, на основе которых осуществляется оценка тех или иных институтов или политик. Формально жесткое следование принципу «свободы от ценностных оценок» подразумевает, что экономисты обязаны использовать те критерии, которые предлагает им общество, а не формулировать собственные критерии. На практике – ситуация более сложная; в большинстве своем экономисты используют набор нормативных критериев, в котором «благополучие индивида» (например, в критерии Парето⁴⁰) является главной мерой любых экономических институтов и политик⁴¹.

³⁹ При этом следует подчеркнуть, что современная политическая экономика призывает не ограничиваться картиной подобного «эгоистичного» политика и учитывать в анализе и наличие у политиков предпочтений относительно целей общества в целом [Либман, Хейфец, 2011]; так что правильнее было бы говорить о том, что участники политического процесса принимают решения на основе смешения индивидуальных интересов и предпочтений относительно общественного блага.

⁴⁰ В прикладных исследованиях и прикладных моделях речь может идти о других мерах (эквивалентная или компенсирующая вариация дохода), все равно имеющих индивидуалистическую природу.

⁴¹ Связанные с этим проблемы обсуждаются в [Block, 2011]. Конечно, экономисты обсуждают и другие критерии – скажем, неравенство доходов, инновационную активность в обществе и т. д. – но все же в центре внимания находится обычно именно

В КЭС «принцип несводимости» означает, однако, что индивидуальная полезность не может использоваться для *оценки* результатов функционирования «политической ветви», в основе которой лежит общественный интерес (подчеркнем: речь идет о качественно другом утверждении, чем представление о том, что общественный интерес не может быть *выведен* из рыночного взаимодействия). Следовательно, здесь необходимы другие критерии. При этом, на мой взгляд, эти критерии должны носить принципиально *эмпирический* характер; то есть позволять «протестировать», в какой степени политическая ветвь «приближается» к общественному интересу или «удаляется» от него. Такой анализ важен потому, что существует множество способов организации политической ветви – именно их сопоставление находится в центре обширной литературы как в экономической науке [Voigt, 2011], так и в сравнительной политологии. Разумно утверждать, что некоторые из них справляются со своей задачей «лучше», чем другие.

Для сравнения, коротко опишу, каким образом проблема этого сопоставления решается в рамках «индивидуалистской» парадигмы. Прежде всего, что касается «рыночной» ветви принятия решений, представления об оптимальности рыночного равновесия (при определенных условиях) строятся на оценке последствий последнего для индивидуального благосостояния участников рынка⁴². Однако после формулировки этих теоретических результатов, современные экономисты основное внимание уделяют эмпирическому анализу – например, как различные структуры рынков влияют на уровень цен, объемы потребления или масштабы производства. Естественно, для того чтобы перейти от этих эмпирических выводов к нормативным, необходим ряд дополнительных допущений – например, о том, что рост потребления ведет к росту индивидуальной полезности. Но, как будет показано ниже, и в этой области теперь есть определенные эмпирические инструменты (например, экономика счастья). Конечно, и они не свободны полностью от допущений, но они хотя бы открывают возможность для дальнейшей дискуссии и уточнений⁴³.

Что касается «политической» ветви, то и здесь эмпирическая экономика «вооружена» целым рядом способов сравнения политических систем. Во-первых, возможно сравнивать их с точки зрения динамики роста – впрочем, сегодня едва ли кто-либо сомневается в том, что анализ прироста ВВП – это лишь первая ступень анализа. Во-вторых, традиционным инструментом выступают опросы, в которых выявляется удовлетворенность той или иной системой принятия политических решений – экономисты, впрочем, относятся к этим методам с большим скепсисом, чем политологи, особенно если речь идет о политике как в свободных обществах (где ответы могут носить стратегический характер), так и в несвободных (где ответы могут «приукрашивать» действительность). В-третьих, замечательным инструментом определения предпочтений является миграция – люди стремятся «переезжать» из стран и регионов, политикой которых они не удовлетворены, туда, где политика их устраивает. В-четвертых, для того чтобы понять предпочтения людей относительно производства общественных благ, можно посмотреть на стоимость рыночных благ, комплементарных к общественным⁴⁴

эффективность.

⁴² Или (в неоклассике) первой теоремы благосостояния, или (в австрийской школе) идей о рынке как процедуре познания и выявления рассеянной информации, или (в марксизме, например) представления о рынке как механизме эксплуатации.

⁴³ Надо отметить, что для целого ряда «индивидуалистских» подходов (скажем, австрийской школы, которая очень скептически относится к подобному тестированию) тест «эффективности» рынка в принципе невозможен, поскольку он предполагает, что исследователь обладает лучшим «знанием», чем то, которое было агрегировано рынком в процессе своего функционирования, что в принципе невозможно. Отсюда нередко звучащие утверждения об эффективности рынка «по определению». На мой взгляд, такие ограничения анализа столь же неприемлемы, как и ограничения анализа в КЭС – ценность теории определяется исключительно ее способностью генерировать эмпирически тестируемые гипотезы.

⁴⁴ Хороший пример – спрос на непотребляемые общественные блага, вошедший в экономическую науку после катастрофы танкера *Exxon Valdez*, результатом которого стало массовое загрязнение побережья Аляски: выяснилось, что хотя большинство американцев никогда не бывало в этом штате и не стремится побывать там, они готовы инвестировать значительные средства в защиту его экологии.

или являющихся субститутами общественных. Наиболее яркий пример первых – жилье; рост качества государственной политики сопровождается ростом стоимости жилья при прочих равных, поскольку большее число людей стремится переехать в эту юрисдикцию, а вторых – спрос на системы сигнализации и частную охрану можно считать мерой потенциального спроса на работу полиции. Конечно, и эти подходы сталкиваются с множеством проблем, однако суть развития эмпирической экономики как раз и состоит в их постепенном преодолении.

КЭС в своем современном виде не предлагает эмпирически тестируемых гипотез или критериев, позволяющих сравнивать функционирование политической ветви принятия решений и латентный интерес общества. Строго говоря, невозможно сказать, например, какая избирательная система, какая политическая система (парламентская, президентская или смешенная), какая организация государства (унитарная или федералистская) и даже какой политический режим (демократия или автократия, к примеру) являются в некотором смысле *предпочтительными*. Хотя Рубинштейн и пишет, например, о роли гражданского общества как способе приближения к «латентному» интересу, или о механизме «социального иммунитета», эти выводы основаны, скорее, на общих соображениях, чем на эмпирическом анализе. На мой взгляд, это ограничивает применимость КЭС – этот подход не позволяет отвечать на широкий спектр вопросов, вызывающих интерес с точки зрения нормативного анализа. Следует признать, однако, что этот вывод относится к дискуссии о месте КЭС в экономической науке как таковой, а вытекает из соображений о соотношении теоретических и эмпирических исследований – а это, в свою очередь, очень большая и сложная тема, детальное обсуждение которой лежит за пределами данной статьи.

В основе КЭС, как уже говорилось, лежит отказ от одного из допущений неоклассики – методологического индивидуализма. Гораздо больше внимания в экономической науке уделяется сегодня модификации другого предположения – рациональности индивидов. В этой области ключевой вклад принадлежит поведенческой экономике и, прежде всего, так называемому «либертарианскому патернализму» (*libertarian paternalism*) [Коландер, 2009]. Здесь использовать индивидуальную полезность как меру качества экономической политики (как в стандартной теории «провалов рынка» или «социальных дилемм») невозможно потому, что в отсутствие полной рациональности и четкой структуры предпочтений индивид принимает «сомнительные» решения даже в «идеальных» с точки зрения ограничений условиях.

Перспектива поведенческой экономики

Прежде всего, однако, важно понять, почему человек в поведенческой экономике склонен принимать идущие ему же самому во вред решения. Данное направление экономической науки акцентирует внимание на трех типах «ограничений», влияющих на человеческое поведение. Во-первых, «ограниченная сила воли» (*bounded willpower*) не позволяет человеку «заставить себя» следовать оптимальной стратегии поведения в каждый момент времени: например, заблаговременно приступить к выполнению сложного задания, соблюдать диету или просто проснуться вовремя.

В результате, даже если «слабовольный» индивид и в состоянии выбрать «оптимальную» цель, достичь он ее не сможет⁴⁵. Во-вторых, «ограниченный эгоизм» (*bounded self-interest*) ведет к тому, что в отличие от стандартных моделей экономической теории индивиды добровольно готовы жертвовать определенную долю своего дохода в пользу менее защищенных членов общества. В-третьих, наконец, ограниченные когнитивные способности (*bounded cognition*)

⁴⁵ Простейший пример – «гиперболическое дисконтирование», при котором выгоды от текущего действия оцениваются значительно выше, чем будущие убытки. Исследования показывают, что слабость силы воли становится проблемой, прежде всего, при росте числа доступных вариантов выбора [O'Donoghue, Rabin, 2001].

не позволяют человеку увидеть весь спектр возможных решений, и, следовательно, он может «проглядеть» оптимальный вариант. Чем более сложна ситуация принятия решений, тем выше вероятность субоптимального (с точки зрения предпочтений самого индивида!) выбора.

Список проблем может быть и расширен. Например, один из выводов нейроэкономики – направления исследований, интегрирующего выводы экономической теории и науки о мозге – постулирует наличие в человеческом мозгу «дуализма желаний и предпочтений» (*wanting – liking dualism*). Суть его состоит в том, что за «желания» (то есть выбор человеком своих действий) отвечает одна подсистема мозга (*wanting system*), а за «предпочтения» (то есть оценку последствий выбора) – другая (*liking system*). В результате выбор человека нередко не согласуется с его желаниями [Herrmann-Pillath, 2010]⁴⁶. Другой, еще более экстремальный пример, – существование ситуаций, в которых люди *сознательно* предпочитают деструктивный вариант взаимодействия с окружающими, даже если он не приносит им никакой реальной выгоды. В экспериментальной экономике это явление называют «радостью разрушения» (*joy of destruction*) [Abbink, Sadrieh, 2009]; речь может идти и о формировании устойчивых институциональных сред, реализующих подобное стремление к причинению вреда окружающим [Mildenberger, 2012]⁴⁷. Я, однако, сосредоточу внимание на трех «исходных» проблемах поведенческой экономики.

Ограниченный эгоизм обычно не рассматривается как основание для государственного вмешательства. Наоборот, в этом случае активность государства может разрушить существующие схемы добровольной взаимопомощи в обществе; например, масштабные перераспределительные программы «вытесняют» частную благотворительность [Bowles, Polania-Reyes, 2012]. Однако два других типа проблем – ограниченная сила воли и ограниченные когнитивные способности – уже становятся вызовом для спонтанной саморегуляции общества [McFadden, 2006]. Неспособность человека противостоять «искушению» также лежит в основе многих форм «традиционного» патернализма – от ограничений на потребление алкоголя, табака и наркотиков до норм⁴⁸, касающихся использования ремней безопасности в автомобилях и самолетах. Другое дело, что признание существования проблем не дает ответа на вопрос о том, какими критериями должно руководствоваться государство при принятии решений в области экономической политики и какие инструменты должны при этом использоваться.

«Либертарианский патернализм»

«Либертарианский патернализм» предлагает два решения описанных проблем. Во-первых, действия государства могут быть направлены на *уменьшение разнообразия* доступных его гражданам вариантов действий – конечно, только в ситуациях, когда возникает проблема когнитивных ограничений. Яркий пример (особенно часто упоминающийся после кризиса конца 2000-х гг.) – это рынок ценных бумаг. Неоклассическая теория предполагает, что эффективность этого рынка неразрывно связана с его «полнотой», то есть наличием на нем максимально широкого спектра бумаг⁴⁹. Поведенческая экономика, напротив, указывает на неспо-

⁴⁶ Принято говорить о «полезности опыта» (*experienced utility*) и «полезности решения» (*decision utility*) – человек в *принципе* стремится к первой, но в своих решениях руководствуется второй.

⁴⁷ Подчеркну, что речь не идет о «войне всех против всех» по Т. Гоббсу – если в последней участники преследуют цель максимизации собственного благосостояния за счет окружающих, что, вообще-то, может привести к формированию эффективных равновесий [Piccione, Rubinstein, 2007], «радость разрушения» состоит именно в причинении вреда – даже если последний не приносит никакой выгоды, кроме «морального удовлетворения».

⁴⁸ В [Abel-Koch, 2011] показывается, что при наличии товаров, вызывающих зависимость, утверждение стандартной экономической теории о росте благосостояния в условиях свободной торговли неверно. Общая модель анализа государственных интервенций в условиях ограниченной рациональности, основанных на традиционных инструментах (например, налогах) приводится в [O'Donoghue, Rabin, 2003].

⁴⁹ Строго говоря, «полный» (*complete*) рынок – это рынок, на котором для каждого из возможных вариантов будущего

способность инвестора «разобраться» в чрезмерном разнообразии предлагающихся возможностей для вложения средств [Benartzi, Thaler, 2002]. Соответственно, задача государства состоит в ограничении «финансовых инноваций», доступных на рынке. Подчеркну, что речь не идет об устранении выбора как такового, а лишь о сокращении спектра доступных возможностей.

Второй, и главный, инструмент в арсенале либертарианского патернализма – манипулирование так называемой «опцией по умолчанию» (*default option*) [Sunstein, Thaler, 2003; Thaler, Sunstein, 2003, 2009]⁵⁰. Речь идет о предоставлении индивиду права «отказаться от выбора». Простейший пример «опции по умолчанию» – хорошо знакомый всем без исключения «комплексный обед» или «бизнес-ланч», подающийся во многих ресторанах. В этом случае клиенту предлагаются два варианта выбора: или самостоятельно, после изучения меню и рассмотрения всех вариантов, выбрать предпочтительные блюда, или «довериться» ресторану и заказать «стандартный» набор блюд с небольшими вариациями. Аналогичные «опции по умолчанию» существуют в Интернет-торговле (когда клиент может настроить способ доставки товара и оплаты, а может – выбрать стандартные), при покупке сложных товаров (например, автомобилей или недвижимости) и т. д. «Либертарианский патернализм» предписывает государству, по мере возможности, отказаться от прямого ограничения выбора субъектов и вместо этого лишь предлагать им «опцию по умолчанию».

«Опции по умолчанию» обладают двумя преимуществами. Во-первых, они снижают неопределенность, позволяя каждому индивиду самостоятельно выбрать тот уровень «сложности» окружающего мира, с которым он в состоянии (или желает, с учетом необходимости затраты когнитивных усилий) справиться. То есть соблюдаются и предписания либерализма (свобода выбора), и патерналистская защита индивида (право, при желании, от этого выбора отказаться). Конечно, вопрос состоит в том, в состоянии ли индивид (с ограниченными когнитивными способностями) оптимальным образом определить целесообразность следования «опции по умолчанию» – но, в любом случае, выбор для него становится проще. Во-вторых, как показывают многочисленные исследования, «опция по умолчанию» нередко определяющим образом влияет на человеческое поведение. Например, покупки в супермаркете или заказ блюд зависят от того, в каком порядке они выставлены на витрине. То есть государство в состоянии реализовывать главный принцип патернализма – «опеку» индивида, «защиту» его от нежелательных вариантов выбора – без введения эксплицитных запретов, и позволяя желающим легко избежать этой опеки.

Однако подход «либертарианского патернализма» связан и с рядом серьезных недостатков. Во-первых, манипулирование «опцией по умолчанию» может осуществляться политиками в собственных интересах. В этом случае выбранный в качестве «стандартного» вариант может оказаться именно опцией, обеспечивающей максимальный приток ренты политике. Если вспомнить, что во власти государства обставить выбор «опции по умолчанию» всеми возможными бюрократическими препонами, проблема становится еще более очевидной. Нельзя забывать и о том, что политики сами сталкиваются с когнитивными ограничениями, как и обычные граждане [Berggren, 2012], и сами следуют неадекватным оценкам [Stevenson, 2005]. Во-вторых, возможно, в каких-то ситуациях как раз и желательно *заставить* человека самостоятельно сделать выбор, взять на себя ответственность за свои поступки. В противном случае, варианты «опции по умолчанию» попросту лишаются шанса на развитие, а кроме того человек не может полностью реализовать свой потенциал⁵¹

существует ценная бумага, обеспечивающая при наступлении данной альтернативы фиксированный доход.

⁵⁰ Собственно говоря, для создателей концепции «либертарианского патернализма» последний связан именно с «опциями по умолчанию» – как *свободного от насилия* инструмента регулирования человеческой деятельности, хотя сегодня термин используется иногда и в более широком значении.

⁵¹ В этой связи можно вспомнить, что пенсионная реформа в России 2000-х гг. первоначально была основана именно на «опции по умолчанию» – выборе между частными пенсионными фондами и – если индивид отказывался делать выбор

– государственным пенсионным фондом, управляемым Внешэкономбанком. Подавляющее большинство россиян предпочли «опцию по умолчанию».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.